
ШТЕРН РОМАН ИГОРЕВИЧ
АДРЕСА НА ДРУГОМ БЕРЕГУ
КРИТИЧЕСКАЯ СРЕДА
КНИГА ВТОРАЯ
Иногда путь к разгадке начинается на другом берегу.

Роман Штерн

Адреса на другом берегу

«Автор»
2026

Штерн Р. И.

Адреса на другом берегу / Р. И. Штерн — «Автор», 2026

До закрытия затопляемого проезда — тридцать часов. В четырёх домах Рудничного живут люди, но городская система считает их переселёнными: транспорт не назначен, временные места не предусмотрены. Ирина Шахова расследует сбой вместе с группой «Резерв», а её дочь Вера пытается составить настоящий список жителей. Только не все готовы признаться, что вернулись. Чтобы организовать вывоз, придётся отделить право на помощь от требования навсегда отказаться от дома. Вторая книга цикла «Критическая среда».

© Штерн Р. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Минус на шкале 6
Глава 2. Восемь кружек 14
Глава 3. Не возвращаться 23
Глава 4. Тридцать часов 30
Глава 5. Верхний двор 39
Глава 6. Ключ вместо переезда 48
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Адреса на другом берегу

От автора

Спасибо, что среди повседневных дел Вы нашли время для этой книги. Я ценю возможность разделить с Вами часы чтения. Пусть они принесут Вам удовольствие.

Глава 1. Минус на шкале

Мокрая перчатка не давала погасить экран. Ирина стянула её зубами, коснулась боковой кнопки, и график снова стал виден: ровная полоса давления, короткий провал, возврат. Нижняя точка лежала под нулём.

— Вот, — сказал Котов. — Опять. Теперь сами видели.

Он держал фонарь слишком близко. Свет отражался в пластике регистратора и мешал разобрать время. В техническом помещении пахло мокрой побелкой; с потолка в обрезанную канистру капала вода. Не из трубы — из шва между плитами. Над ними таял снег, который всю зиму сгребали к стене.

— Пока увидели запись, — ответил инженер водоканала. — Сначала проверим, что у нас подключено.

Котов повернул фонарь ему в лицо.

— Эти приборы уже проверяли. Из-за них вас и вызвали.

— Тогда ещё раз проверим сборку.

Ирина убрала перчатку в карман.

— Правильно. Начнём с отвода.

Котов посмотрел на неё с досадой. Он обслуживал два здания выше по Рамповой и пришёл сюда после вечернего обхода, рассчитывая дождаться признания того, о чём писал вторую неделю. Вместо этого люди с удостоверениями собирались осматривать шланг.

За окном, почти вровень с которым проходил тротуар, шуршали автомобильные шины. Была половина третьего ночи. Нижняя часть Рудничного ещё держала в земле зимний холод, но по поверхности уже шла вода: вдоль бордюров, под воротами, через щебень временных переходов. Над одной из тепловых траншей продолжал гореть прожектор. Магистраль после зимней аварии меняли участками, и дорожные ограждения успели стать частью привычного пути.

Первый ответ водоканала на запрос «Резерва» пришёл в положенный срок. К нему приложили таблицу, в которой давление соответствовало рабочему диапазону, и предложили проверить сторонние средства измерения. Следующий обмен письмами принёс сведения о точке штатного контроля, но не объяснил отрицательных показаний. До совместного ночного замера добрались только теперь.

Ирина приехала техническим экспертом. Это было написано в согласовании, на пропуске и в наряде, который инженер Виктор Данилов положил на сухой край подоконника. Ни один документ не давал ей права распоряжаться водной сетью.

— Фонарь сюда, пожалуйста, — попросил Данилов Котова.

Тот опустил руку.

Под трубой лежали три прибора в раскрытых футлярах. Два переносных регистратора городской измерительной лаборатории привезли сюда после нескольких ночей на соседних вводах. Третий, контрольный, был из метрологической службы водоканала. Его дисплей пока показывал давление воздуха в помещении.

Тимур сидел на корточках у измерительного отвода. Поверх тонких перчаток он натянул водостойкие, длинные манжеты убрал под рукава. Левой рукой придерживал корпус, правой проверял крепление подводки.

— Сборка не тянет штуцер. Шланг не пережат. Соединения сухие.

— Верхняя петля? — спросил Данилов.

— Есть. Сейчас уберём.

Тимур ослабил крепёж и уложил подводку без подъёма, в котором мог задержаться воздух. После этого Данилов закрыл приборный кран, отсёк регистратор от сети и через неболь-

шой выпуск снял давление только с измерительного отвода. Вода пошла в чистую приёмную ёмкость.

Ирина приблизила экран к свету.

— Ноль записывается?

— Записывается, — ответил Данилов.

На экране установилось значение чуть выше нуля. Недостаточное, чтобы объяснить ночной провал.

Котов переступил с ноги на ногу.

— А минус там вообще бывает?

— На этой шкале бывает, — сказала Ирина. — Ноль — давление воздуха здесь, вокруг нас. Ниже нуля значит, что в трубе на короткое время стало меньше, чем снаружи.

— То есть вакуум?

— Разрежение. Не пустая труба и не отрицательное давление вообще. Прибор считает от атмосферы.

Данилов показал ему маркировку диапазона. Минус был предусмотрен изготовителем, а не возникал из-за того, что стрелка или цифра вышла за допустимый предел.

Ирина сверила серийный номер с распечаткой. Поверка действовала. У второго регистратора — тоже. В приложении к старым письмам были номера, но не фотографии соединений; по одним таблицам понять, где и как стоял прибор, было невозможно.

— Предыдущие сборки снимали? — спросила она.

Котов достал телефон.

— Снимал. Мне Вера Андреевна сказала: общий вид, кран, номер. Только у десятого темно вышло.

— Покажите.

На снимках были вводы, стены с мелкими трещинами, провода в коробах. На одном фото в кадр попала хозяйственная сумка. Ирина увеличила измерительный отвод. Подводка уходила вверх, потом вниз к датчику.

— Воздух мог оставаться, — сказал Данилов.

— Мог, — согласилась Ирина. — Поэтому сегодняшняя сборка должна быть другой.

Котов убрал телефон не сразу.

— Значит, прошлые записи вычеркнем?

— Не будем ничего вычёркивать. Укажем, чего о них не знаем.

Проверка второго прибора заняла ещё семь минут. Тимур подложил под колено сухую доску. Когда снимал перчатку, чтобы воспользоваться стилусом, Ирина заметила побелевший шрам у основания мизинца. Она уже открыла рот, но он сам убрал левую руку под куртку и попросил Котова придержать футляр.

— Я сейчас правой подключу. На колене не держите, поставьте.

С конца зимы Тимур перестал объяснять каждое такое движение. Пальцы чувствовали нажим, но холод узнавали слишком поздно.

Данилов промыл измерительные отводы, выпустил воздух и подключил регистраторы к двум точкам одного распределительного участка. Контрольный прибор поставили на отдельный штатный штуцер рядом с дальним отводом — без общей тонкой подводки, которая могла бы дать всем одинаковую ошибку.

Пока давление выравнивалось, Ирина раскрыла на телефоне рабочую таблицу.

— Теперь время.

— Часы у них автоматически ставятся, — сказал Котов.

— Когда есть связь, — ответил Тимур. — Здесь её нет.

Собственный телефон он положил на подоконник рядом с прибором. Данилов вывел время контрольного регистратора. Котов снимал экраны одним непрерывным видео, пока Ирина вслух называла номера.

Первый переносной спешил на сорок одну секунду. Второй отставал на семнадцать. Контрольный расходился с телефоном на две секунды; для привязки к диспетчерскому журналу это тоже требовалось учесть.

— Могу поправить сейчас, — предложил Данилов.

— Не в текущем файле. Сначала выгрузка. Поправки отдельно.

— Новый сеанс откроем.

— Да. А старое время оставим как записалось.

На прежних графиках два провала выглядели разнесёнными почти на минуту. После поправок могли оказаться одним событием. Могли и не оказаться: часы проверяли сегодня, а часть записей была сделана несколько дней назад.

Ирина добавила столбцы: «время прибора», «поправка при проверке», «основание». В примечании указала, что стабильность хода на всём предыдущем интервале пока не установлена.

Котов наблюдал за её пальцем.

— Вам же проще подвинуть линии.

— Смотреть проще. Доказывать потом труднее.

Данилов прочитал запись и кивнул.

В трубе что-то изменилось. Или Ирине так показалось: справа высокий свист, оставшийся после Д-17, на секунду наложился на шорох воды. Слуховой аппарат усиливал капли, падавшие в канистру, и щелчки пластмассовых застёжек, но не возвращал прежней уверенности. Она повернулась к Тимуру.

— Слышал?

Он не ответил сразу, глядя на контрольный экран.

— Давление пошло вниз.

На дисплее было 0,18 мегапаскаля. Потом 0,11.

Данилов придвинулся к столу. Никто не касался арматуры.

Показание пересекло ноль.

Ирина увидела минус 0,019, затем минус 0,023. На переносном регистраторе рядом было минус 0,022. Дальний прибор тоже ушёл ниже нулевой черты, но не так глубоко.

— Время вслух, — сказала она.

Данилов назвал время контрольного прибора. Тимур повторил минимальное значение. Котов держал телефон обеими руками, снимая экран и номер на корпусе.

Через несколько секунд давление вернулось в положительную область. Сначала удерживалось около половины прежнего, потом медленно поднялось выше.

Ирина ждала, пока график перестанет расти. Внутри уже складывалась команда: проверить соседний узел, найти, кто менял режим, не дать повториться. Она знала, как говорить это коротко и убедительно. Не знала только местной схемы настолько, чтобы иметь право приказать.

— Виктор, у вас в программе были переключения на это время?

— У нас никаких. Обычный режим.

— Так и запишите. Мы не задавали испытательный отбор. Провал возник сам, во время наблюдения.

Он уже писал.

— Ниже атмосферного — шесть с небольшим секунд, — сказал Тимур. — Точную длительность возьмём из ряда. Экран обновляется реже.

— По звуку в акт не ставьте, — добавила Ирина. — У меня изменение было, но что именно — не определю.

Котов опустил телефон. Руки у него дрожали от долгого неподвижного удержания.

— Теперь не шланг?

Данилов посмотрел на три графика.

— Одним шлангом это уже не объяснить.

***

Звонить из помещения не получалось. Данилов поднялся на три ступеньки к наружной двери, приоткрыл её и встал боком, чтобы не тянуло на приборы.

Ирина осталась у подоконника. На табурете рядом лежала папка с ответом водоканала. За обложку зацепилась мокрая перчатка; когда Ирина подняла её, на бумаге осталось серое пятно.

В сводке среднее давление за ночной интервал было нормальным.

— Они ведь это же самое видят? — спросил Котов.

— Не это же.

Она позвала Данилова жестом, когда тот закончил короткий разговор.

— Покажите точку, из которой у вас отчёт.

Он развернул схему на планшете. Пришлось дождаться, пока загрузится изображение, — у двери связь была слабой. Штатный датчик стоял выше, до ответвления в нижний квартал.

Ирина провела пальцем от него по линии.

— Между ним и нами сколько сопротивления, пока не знаем?

— По паспорту знаем. По факту — надо смотреть. Участок старый, ремонтные вставки есть.

— А вот это число в сводке?

— Среднее за пятнадцать минут на штатной точке. Сначала архив агрегируется, потом идёт в отчёт.

— Минимум есть?

— В диспетчерском архиве есть. В форме ответа его не запросили.

— Мы запрашивали объяснение отрицательного давления.

Данилов помолчал.

— Я этот ответ не готовил.

Ирина убрала палец со схемы. Он не оправдывал ни форму, ни человека, который её отправил. Просто отделил свою работу от чужой.

— Мне нужен сырой ряд, описание усреднения и привязка датчика. Сейчас хотя бы за этот час.

— Полную выгрузку я с выезда не подпишу. Текущий тренд могу показать, остальное через начальника смены.

На штатной точке давление снизилось, но нуля не достигло. Детализация планшета не позволяла увидеть всё, что произошло за шесть секунд. И всё же перед Ириной не было двух взаимоисключающих записей. Один прибор стоял у них, другой — выше по ветви; отчёт ещё и сглаживал время.

Котов наклонился через её плечо.

— То есть там всё правильно?

— Там измерено там, — сказала Ирина. — Нам ответили так, будто это относится к каждому вводу.

Она попросила Данилова не закрывать экран, записала номер точки и время просмотра. Полное сопоставление ещё предстояло сделать. Пока оснований говорить, что водоканал переписал исходные показания, не было.

Из приоткрытой двери потянуло холодом. Тимур поднялся и застегнул куртку.

— Ирина Павловна, оставляем оба на ночь и ставим сигнал?

Она едва не сказала «оставляем».

— Виктор определяет режим контроля. Приборы лаборатории надо согласовать с владельцем. Я бы оставила оба, если есть возможность.

Данилов набрал другой номер.

Ждать было неприятно. После подтверждённого провала каждая обычная пауза казалась слишком длинной: человек на другом конце искал журнал, уточнял, кому принадлежат приборы, просил повторить адрес технического помещения. Ирина смотрела на его спину и заставляла себя не вмешиваться раньше, чем вопрос окажется к ней.

«Резерв» получил пять ставок и положение на полгода, а не собственную аварийную службу. В зимней диспетчерской её голос когда-то был достаточным основанием для выезда. Теперь требовалось чужое решение, и этот человек отвечал за сеть, которую она знала лишь по нескольким листам.

— Дежурный руководитель на линии, — сказал Данилов. — Просит вас.

Ирина взяла телефон левой рукой.

— Шахова, технический эксперт «Резерва». Подтверждаем краткий локальный провал избыточного давления ниже нуля. Три измерительных канала, один контрольный независимый. Ноль и подключения проверены до события. Причина не установлена.

Она слушала, повернувшись левым ухом к аппарату.

— Нет, загрязнение мы не установили. Но при негерметичной сети такой перепад допускает поступление воды снаружи. Сейчас вокруг мокрый грунт. Прошу не ждать окончания разбора, передать ответственным за качество и назначить контроль ветви.

Вопрос на другом конце пришлось переспросить.

— Повторите последнее. У меня справа нарушение слуха… Нет, команд на насосы или арматуру мы не давали.

Она вернула телефон Данилову.

Тот повторил собственные наблюдения, назвал номер наряда и выслушал распоряжение. Потом спустился к столу и записал: оставить местную регистрацию, обеспечить передачу сообщений о новом снижении, направить выездной контроль на соседнюю точку, уведомить службу качества воды. До выяснения причин никаких испытательных переключений на участке не проводить.

— Номер оперативного сообщения? — спросила Ирина.

Он продиктовал.

— Пришлите ещё текстом.

Котов вынул из сумки небольшую бутылку с водой.

— У меня вчера из крана была с запахом. Может, сразу на анализ?

Данилов не взял бутылку.

— Для анализа нужен установленный отбор. Где набрана, сколько стояла, во что налита — всё влияет. Жалобу на запах внесу, лаборатория возьмёт свою пробу.

— Вы опять скажете, что тара неправильная.

— Тара действительно неизвестная, — сказала Ирина. — Но заявку он сейчас записывает. Это разные вещи.

Котов посмотрел на бутылку, закрутил крышку и убрал обратно.

Ни отрицательное показание, ни запах не давали права объявить воду заражённой. Не давали они и права закрыть папку с прежней сводкой. Данилов записал телефон Котова, чтобы лаборатория могла уточнить место вчерашнего набора.

Только после этого Тимур поднял пустой футляр контрольного прибора.

— Хорошо ему. Поверка есть, номер есть — сразу пустили.

— У него тоже допуск на один выезд, — ответил Данилов.

Котов коротко усмехнулся.

Ирина села на свободный табурет. Под ногами потемнела полоска воды, принесённой с улицы. До рассвета оставалось немного. Она расстегнула воротник, вынула из кармана мокрую перчатку и положила на тёплый блок питания, но Тимур молча переставил её на батарею.

***

В депо они вернулись, когда окна верхнего ряда начали светлеть.

Тимур остался встречать сменный пост водоканала и передавать точки контроля. Данилов поехал с Ириной: здесь была связь, сухой стол и возможность открыть разрешённые данные на служебном ноутбуке. Ночной замер у него закончился, но сдавать материалы без пояснения он не хотел.

В бывшей комнате мастеров пахло гречневой кашей. Елена принесла контейнеры из дома и поставила их рядом с папками, отодвинув бумаги ровно настолько, чтобы еда не попала на документы. Дарья сидела у монитора в шерстяных носках, поджав под стул одну ногу. На экране были два ряда давления, пока ещё с разными временными осями.

— Я старые файлы не трогала, — сказала она вместо приветствия. — Поправки наложены отдельным слоем. Для прошлых ночей диапазон неопределённости шире.

Ирина поставила сумку у стены.

— Сегодняшний контрольный подтверждает.

— Вижу. Но начало на первом канале раньше. Это может быть местом измерения, может быть частотой записи. Не буду совмещать по минимумам.

Данилов сел рядом, указал на параметры регистрации. Они начали сверять частоту опроса, и Ирина на минуту отошла к окну.

За стеклом тянулись старые рельсы, между ними лежала грязная талая вода. Штаб «Резерва» занимал только несколько комнат; за стеной мастерские продолжали жить своей работой. Где-то проворачивали тугой крепёж, металл отзывался короткими ударами. Зимние схемы со стены не сняли. На одной ещё оставался жёлтый кружок у участка, который предстояло заменить после завершения отопительного сезона.

Елена подвинула Ирине контейнер.

— Сначала поешь. Пока они разбираются, тебе нечего подписывать.

— Я и не собиралась.

— Тогда тем более.

Ирина открыла крышку. Каша была ещё тёплой.

Её жизнь больше не делилась на смены. Иногда это оказывалось хуже: из диспетчерской можно было сдать дежурство и уйти, а незаконченный запрос оставался с ней до следующего утра. В личном деле по-прежнему лежал выговор, умышленного саботажа комиссия не установила, но ни то ни другое не меняло сегодняшней задачи. Здесь нельзя было восстановить прежнее право голоса тем, что однажды она оказалась права.

Данилов повернул ноутбук.

— Есть ещё расход. Не те данные, что вы просили, но для ветви полезно.

На схеме выделился участок от старого распределительного узла к Рамповой. Отвод на техническое помещение шёл в стороне, четыре жилых ввода — ниже.

— Узловой расходомер, — пояснил он. — По этой линии последние дни фон выше расчётного. У нас это в перечне расхождений.

— Насколько давно выше? — спросила Ирина.

— Здесь вижу шесть суток. Дальше архив нужно заказывать.

Дарья вывела график крупнее. Ночью расход спадал, но не исчезал; утром поднимался несколькими ступенями. Днём нагрузка менялась неровно, вечером появлялось ещё одно широкое повышение.

— На постоянную течь не очень похоже, — сказала Ирина.

— Течь зависит от давления, — возразил Данилов.

— Да. Наложите давление, где оно есть.

На части графика изменение расхода совпало с изменением напора. На другой — нет. Оставались короткие подъёмы, паузы, новый расход. Всё это могло быть бытовым водоразбором, работой мастерской, неучтённым подключением. Или схема ветви была неполной.

— Здесь точно только эти четыре ввода? — спросила она.

— По действующей схеме — они и наше помещение. За самовольные врезки не поручусь.

— За старые оформленные, но не внесённые?

Данилов посмотрел на неё.

— Тоже.

Дарья открыла карточку расчётной нагрузки.

— А почему она почти нулевая?

Данилов наклонился к экрану.

— Дома по планировочной витрине освобождены. Оставлен технический минимум.

Ирина поставила контейнер на подоконник.

В списке стояли четыре адреса: Рамповая, 6, 8, 10 и 12. Возле каждого — одинаковая отметка об освобождении. Ни даты обхода, ни фамилии ответственного в доступной карточке не было. Ссылка «основание» открывала служебную страницу, для которой у Данилова не хватало прав.

— Освобождены — это что именно? — спросила Ирина.

— Для расчёта я получаю статус и нагрузку.

— Люди выехали? Ключи сдали? Воду отключили?

— Воду не отключали. Остального отсюда не скажу.

Дарья перестала двигать мышью.

— Давайте сохраним ровно то, что видно. Не будем переводить статус своими словами.

Елена уже раскрыла блокнот.

— Эта витрина входит в предоставленный доступ?

— В служебный просмотр входит, — ответил Данилов. — Экспорт карточек я сам разрешить не могу.

— Тогда фиксируем просмотр и направляем запрос на официальные копии. Фамилию владельца данных знаете?

Он назвал подразделение. Елена записала его без комментария.

Ирина снова посмотрела на расход. Четыре дома были не так далеко от депо, но она почти не бывала в этой части района. Во время зимней аварии нижние адреса проходили через общие ведомости. Часть там давно расселяли, часть использовали под мастерские; за словами «нижний квартал» у неё не было ни дверей, ни лестниц, ни людей, которые открыли бы ей ночью.

— Можно прикинуть по суточному объёму, — сказал Данилов. — Хотя бы порядок числа потребителей.

— Для расчёта ветви — можно диапазон, — ответила Дарья. — Для списка жителей нельзя. Один неисправный бачок даст больше семьи.

— И мастерская, — добавила Ирина. — И ошибка схемы. Нам сначала нужен обход.

Она набрала Котова. Он ответил не сразу, голос был глухим: видимо, уже лёг.

— Геннадий, один вопрос. По Рамповой, шестому, восьмому, десятому, двенадцатому, у вас есть прямые сведения, кто пользуется водой?

— В десятом свет видел. В восьмом бельё сушат. Я ж говорил, там не пусто.

— Вы с кем-нибудь разговаривали?

— В последнее время — нет. Я их дома не обслуживаю.

— Поняла. Отдыхайте.

Она завершила звонок. Свет и бельё годились для выбора двери, в которую стоит постучать. Для утверждения, что за дверью живёт семья, этого было мало.

Елена приняла у Данилова подписанный протокол замера. Оригиналы переносных регистраторов оставались в памяти приборов до передачи в городскую измерительную лабораторию; выгрузки принимал её ответственный сотрудник. «Резерву» по согласованной программе передавались копии.

— Два исходных файла, отдельная таблица проверки времени, фотографии сборок, видео контрольного события, — перечисляла Елена. — Контрольный ряд водоканала — по акту от вашей службы. Не смешиваем с предварительным просмотром узлового расхода.

Данилов сверил состав и подписал.

В блокноте появились время получения, основание передачи, место хранения оригиналов. Дарья рассчитала контрольные суммы файлов. Елена сравнила их с ведомостью, внесла номер страницы и запустила отправку копии в согласованное внешнее хранилище.

Прошлой зимой эти действия отвоёвывали у каждого нового запрета. Теперь они занимали двенадцать минут за столом, рядом с недоеденной кашей. Ирина подождала подтверждения приёма, затем взяла телефон.

До Вериного первого урока оставалось меньше часа.

Она набрала сообщение: «Нужны жители четырёх домов…» — и стёр. Так дочь получила бы готовую задачу с заранее указанным ответом, ещё и от матери, которой привыкли не отказывать в аварии.

Ирина написала иначе:

«Рамповая, 6, 8, 10, 12. На ветви есть повторяющийся расход, в городской витрине дома отмечены освобождёнными. Причину расхождения не знаем. Сможете проверить фактическое присутствие, с согласия людей? Список фамилий сейчас не нужен. Важно понять, к кому можно обратиться и что там происходит. Ночной провал давления подтверждён, водоканал уведомлён, контроль оставлен. Данных о загрязнении пока нет».

Ответ пришёл, когда Данилов уже собирал ноутбук.

«После первого урока. Уточню, кто может пойти со мной. Контакты в общий чат не отправлю».

«Не нужно», — написала Ирина.

Потом добавила: «Если понадобится, объясню замеры».

На столе осталась схема с четырьмя адресами. Ирина обвела не дома, а всю ветвь — границу того, что они пока действительно измерили.

— Что пишем в задаче? — спросила Елена.

— Выяснить, кто пользуется водой.

— И проверить статус?

— Проверить. Не доказывать заранее, что он ложный.

За стеной открыли ворота мастерской. Холодный воздух прошёл по полу, качнул приколотую к стене тепловую схему. Ирина прижала её ладонью, пока сквозняк не стих, и вернулась к остывшему завтраку.

Глава 2. Восемь кружек

К концу первого урока у Веры было два сообщения от наблюдателей, одно от матери и пятно йода на манжете.

Пятно поставила она сама, когда убирала реактивы. Теперь оно выглядело убедительнее, чем весь рассказ о необходимости работать аккуратно.

— Вера Андреевна, а это навсегда? — спросили с первой парты.

— На манжете — нет. В памяти класса, боюсь, да.

Она закрыла шкаф, проверила замок и только после звонка достала телефон.

Один наблюдатель не мог уйти с работы до вечера. Второй предлагал прислать знакомого, который «там всё знает», но сам на Рамповой не был с осени. Валентина могла подойти через двадцать минут. Этого пока хватало.

В учительской Вера попросила поменяться вторым уроком. Следующий её класс начинал после большой перемены; между занятиями получалось меньше двух часов.

— Контрольную проведу, — сказала коллега. — Только подпиши, какой вариант кому. А то в прошлый раз они мне объяснили, что у них свободный выбор.

Вера подписала пачки и оставила ключ от кабинета лаборанту. На ходу застегнула куртку, прижала папку здоровой рукой к боку.

В районном чате уже спрашивали:

«Таблицу с квартирами и телефонами сюда? Чтобы не ходить два раза».

Она остановилась у школьных дверей.

«Нет. Здесь только маршрут и отметки о сделанном. Телефоны отдельно, с разрешения людей. Публично — дом, время проверки, установлен ли контакт. Без квартир».

Следом пришло:

«А как тогда друг друга проверять?»

Вера набрала длинный ответ, стёрла и позвонила Валентине.

— Принеси чистые карточки. Разберём на месте.

— Старый список у меня есть. Ещё с зимы.

— Возьми, но по нему никого не отмечаем. Кто-то уже уехал.

— Я понимаю.

В голосе Валентины появилось знакомое раздражение: человек согласился помочь, а ему сразу объясняли, как нельзя. Вера притормозила у калитки.

— И спасибо, что смогла. Я одна все четыре дома до урока не успею.

— Вот с этого можно было начать.

Рамповая лежала ниже школьного двора, за ремонтной полосой, где всю зиму меняли тепловую магистраль. Сейчас у ограждения проступили доски, потерянная варежка и тёмный щебень. Трубы под временным настилом гудели. На одной секции забора ещё висел выцветший лист «Переход закрыт», хотя рядом давно протоптали обход.

Вера пошла по обходу.

Старую нижнюю часть района она знала хуже, чем ей хотелось признавать. На собраниях Рамповая обычно возникала целиком: четыре дома, переселение, спорные доплаты, жалобы на новое жильё. Люди приходили по одному, каждый со своей папкой. Вера помнила лица, некоторые имена, но не всегда могла соединить человека, дверь и то, что он просил в последний раз.

На телефоне оставалось сообщение матери: в городской витрине все четыре дома значились освобождёнными.

С улицы это выглядело нелепо. На балконе восьмого дома проветривали одеяло. Возле шестого сушились рабочие ботинки, набитые газетами. Нижнюю ступень десятого недавно переложили: новый серый раствор ещё резко выделялся среди старых трещин.

Вера достала телефон, чтобы снять ступень, и убрала. Сначала следовало спросить.

Валентина ждала у восьмого с сумкой через плечо. Из сумки торчал край планшетки и пакет с булочками.

— Завтракала?

— Потом.

— Поэтому и взяла.

Они вошли в подъезд. На первом этаже пахло жареным луком и мокрым деревом. Под стеной стояли две заклеенные коробки, на верхней крупно было написано: «Не переворачивать. Машинка».

— Вот Наталья, — сказала Валентина и постучала в дверь напротив. — Она мне вчера по воде присылала.

— Показания?

— Фотографию счётчика. И вечером ещё одну.

— Это официальный канал?

— Какой официальный? В личные сообщения. У неё передача в расчётный кабинет отдельно.

Вера кивнула. Их зимняя сеть так и складывалась: домовой прибор, фотография, время со слов человека. Где-то показания принимала управляющая организация, где-то данные оставались только у соседей. Для вопроса, в какую дверь стучать, этого было достаточно. Для вывода, кто и сколько здесь жил, — нет.

За дверью щёлкнул замок.

Наталья Селезнёва стояла в домашней кофте поверх лабораторных брюк. Светлая ткань на коленях была затёрта до блеска. Вера узнала её не сразу: на встрече по переселению у Натальи были собранные волосы и жёсткая папка на резинке, сейчас — коса через плечо и полотенце в руке.

— Мы не рано? — спросила Вера.

— Для нас уже второй раз чайник. Проходите. Только дверь не оставляйте, от лестницы тянет.

— Мы по поводу воды и того, кто сейчас здесь…

— За столом скажете. Там отец, он тоже захочет знать.

Кухня была рассчитана на небольшую семью, но стол раздвинули, приставили к торцу табурет и положили поперёк подоконника доску. На доске стояли коробочки с рассадой. Окно приоткрыли на узкую щель, от которой шевелился угол клеёнки.

Вера насчитала восемь кружек. Синяя с белой полосой, две рекламные, толстая зелёная, прозрачная, с отбитым краем под ручкой, в красный горох и маленькая эмалированная. Часть уже была наполнена. Возле сахарницы лежали запасные ложки, и было понятно, что гостей здесь не ждали по точному числу.

За столом сидел сухой пожилой мужчина в застёгнутой рубашке. Рядом с креслом стояли ходунки. Он придерживал коленями сложенную газету, чтобы не сползла.

— Это Вера Андреевна, — сказала Наталья. — Я тебе говорила.

— Про учительницу говорила. Про воду — нет.

— Поэтому пришли объяснить.

У окна мужчина в рабочем свитере доедал картошку со сковороды. Он поднялся, уступая место, но Борис остановил его:

— Сиди, Семён. У тебя ещё время есть.

— У меня время до автобуса. А у автобуса ко мне никаких обязательств.

Он сел снова, подвинув свою тарелку.

Наталья поставила перед Верой белую кружку с названием давно закрытого магазина. Валентине досталась зелёная. Борису она долила чай без вопроса, потом открыла навесной шкаф.

— Сухари не бери, — сказал он.

— Там всем хватит.

— Мне завтра не хватит. Гостям нормальное дай.

Он посмотрел на Веру.

— У меня не жадность. Они без соли, невкусные.

— Я булочки принесла, — сказала Валентина.

— Вот. Разумный человек.

Наталья закрыла шкаф. Движение получилось чуть резче, чем требовалось, но она тут же повернулась к плите и убавила огонь.

Вера положила папку на колени.

— Ночью проверяли давление на вашей ветви. Приборы подтвердили короткий провал. Водоканал знает, оставил контроль. Причину пока выясняют.

Семён перестал жевать.

— Пить-то можно?

— У меня нет заключения о загрязнении и нет нового санитарного указания. Есть подтверждённая проблема с давлением. Если служба даст ограничение, передадим его отдельно, не через слухи.

— А сейчас вы чего проверяете? — спросил Борис.

— Кто здесь бывает и кому можно сообщить результат. В городской планировочной карточке ваши дома отмечены освобождёнными. При этом вода расходуется. По воде нельзя понять, семья это, мастерская или течёт бачок. Мы пришли спросить.

— Бачок у меня как раз течёт, — сказал Семён. — Антон обещал посмотреть.

— И это тоже важно.

— У себя запишите, — вмешался Борис. — А то потом наши кружки на его бачок спишут.

Наталья впервые улыбнулась. Не для гостей — от короткой привычной досады на отца, который опять вставил своё.

Вера вынула чистую карточку.

— Здесь не перепись и не акт освобождения. Я отмечу, что говорила с вами сегодня, в какое время, что вы сами сказали о проживании. Если нужна помощь с сообщениями или транспортом — тоже. Телефон отдельно. В общий чат его не отправляем.

— А кому отправляете? — спросила Наталья.

— Пока контактный список у меня и у Валентины, если вы согласитесь на повторный звонок от неё. В «Резерв» сейчас уйдут только адреса, где состоялся разговор. Если понадобится передать конкретный контакт службе, объясню кому и зачем.

— Мне не надо, чтобы опять звонили насчёт квартиры.

Наталья сказала это тихо, но Борис услышал.

— Мне надо, — ответил он. — Только пусть говорят дело.

— Пап, я не про тебя.

— А про кого? Ты всё равно мой номер оставляешь свой.

Вера повернула карточку так, чтобы Борис мог прочесть.

— Тогда давайте ваш способ связи укажем отдельно. Вы телефоном пользуетесь?

— Телефоном пользуюсь. Пальцем по картинкам не пользуюсь. Звонить можно.

Наталья принесла из комнаты простой кнопочный аппарат. Положила перед ним, проверила заряд и хотела убрать руку, но отец накрыл её ладонь своей.

— Я сам номер скажу.

Вера ждала. Борис произнёс цифры медленно, каждый раз глядя не на дочь, а на неё.

В соседней строке Вера написала: «Фактический контакт. Дома. Подтверждает проживание». Подняла глаза на Наталью.

— А у вас как сейчас?

— Работаю в лаборатории, на северном берегу. Квартира там тоже есть. Но ночую в основном здесь.

— Не в основном, — сказал Борис. — Три ночи в неделю у себя. Мы считали.

— На этой неделе две.

— Неделя ещё не кончилась.

Наталья поставила пустой ковш под струю воды. Несколько секунд смотрела, как он наполняется, потом выключила кран.

— Пишете, будто я выбираю, где мне удобнее. У меня халат там, таблетки его здесь, продукты покупаю по дороге. Если задержали анализы, я уже не успеваю нормально поесть ни в одной квартире.

Она вытерла руки полотенцем, хотя почти не намочила их.

— Простите. Я не на вас.

Вера не стала отвечать, что всё понимает.

— Что мешает вам жить вместе?

— У меня маленькая квартира. Ванная тесная. С ходунками он в неё не проходит, а без них…

— Боком прохожу, — сказал Борис.

— Один раз прошёл. Потом мы тебя вдвоём разворачивали.

Семён опустил глаза в тарелку. Очевидно, вторым был он.

— Мне обещали подобрать подходящее, — продолжила Наталья. — Не ко мне подселить, а решить по его жилью. Пока ждём. Здесь хотя бы я знаю, за что он держится.

У кухонной двери к стене была прикручена деревянная планка. Не новая, гладкая от ладоней. Между столом и холодильником оставили ровно столько места, чтобы прошли ходунки.

— По квартире сами ходите? — спросила Вера у Бориса.

— Сам.

— На лестницу?

— С человеком. Только не надо писать «не ходит». Я хожу, медленно.

Вера записала его слова.

— Если надо будет куда-то ехать, обычная машина подойдёт?

— Куда?

— Я пока спрашиваю, какая помощь может понадобиться. Весна, дорога низкая. Но сейчас у меня нет ни распоряжения на вывоз, ни срока.

Борис посмотрел на дверь, потом на дочь.

— Смотря куда. К врачу — поеду. В зал с раскладушками не хочу. Я зимой уже был. Там ночью свет не выключали и никто не знал, где мои вещи.

— Я не предлагаю вам сейчас соглашаться. Могу написать: прежде чем обсуждать поездку, нужно объяснить место и кто встретит.

— Вот это напишите.

Дверь в прихожей открылась без звонка.

— Наташа, у тебя ножницы опять здесь?

В кухню вошла женщина с рулоном упаковочной ленты на запястье. Короткие волосы были заколоты двумя разными зажимами. На кофте у плеча зацепилась нитка, которую она не замечала.

— Доброе утро. О, собрание?

— Завтрак, — ответил Борис. — Собрание за ним прячется.

Вера знала Оксану Левину по мастерской. Та подшивала школьные шторы и однажды без всякой срочной наценки перешивала чехлы для пункта обогрева. Тогда разговор шёл только о ткани, ширине шва и том, почему никто не измерил раскладушки до покупки материала.

Оксана взяла кружку в горох, понюхала чай.

— Чей?

— Твой, — сказала Наталья.

— Спасибо. Можно полстола освободить? Мне коробку собрать. На полу спину уже не разогну.

— Ты всё ещё укладываешь? — спросила Валентина.

— А я всё ещё не уехала.

Оксана сняла с запястья ленту и потянулась за булочкой. Семён поднялся, убрал свою тарелку в раковину.

— На моё место ставь. Я пошёл.

Он застегнул рабочую куртку, спросил Наталью, забрать ли по дороге рецепт, и получил сложенный листок. На вопрос Веры о повторном контакте ответил уже из прихожей:

— Через Валентину можно. Только до двух не звоните, я за рулём.

Наталья помахала ему полотенцем вместо прощания.

Вера записала не имя в общую таблицу, а номер карточки и договорённость о связи. Оксана наблюдала, разглаживая картонное дно.

— Это кому, кто ещё остался?

— Кто фактически здесь. И кому нужны сообщения по воде.

— Я в шестом. Мастерская отдельно, не перепутайте. А то мне уже однажды ответили на жалобу, что производственные помещения в программу не входят. Я про спальню писала.

— Зайдём к вам?

— Зайдите. Только я до обеда бегаю туда-сюда. Жду доплату, но вещи всё равно собираю. Когда деньги придут, я не хочу ещё неделю здесь ящики искать.

Она произнесла это так же, как когда-то называла ширину шва: без приглашения обсудить, правильно ли выбрана величина.

Вера посмотрела на коробки у двери. На одной было написано «кухня», на другой — «отдать». Ей хотелось сказать, что после переезда мастерскую можно сохранить, что люди будут приезжать, что не обязательно всё обрывать. Пока она лишь подвинула сахарницу.

— Вам помочь собрать?

— Придержи угол.

Вера встала, удержала картон левой рукой. Оксана провела лентой по шву, натянула и прикусила край, не дождавшись ножниц.

— Зубы, — сказала Наталья.

— Нашла?

— Вот они.

Ножницы лежали под газетой Бориса. Он поднял её и без комментария передал Оксане.

Телефон Веры завибрировал. Пришло сообщение от ещё одного наблюдателя: он мог вечером пройти двенадцатый. Вера открыла маршрут, и Оксана отступила от стола.

— Только нас сейчас не снимай.

— Я не снимаю.

— И окна потом не надо. У нас вчера мужчина ходил, фотографировал, кто занавески оставил. Спросили — говорит, для состояния дома. Может, и для состояния. А мне потом объяснять, почему свет горит.

Вера погасила экран и положила телефон в карман.

— Без разрешения ни людей, ни окна публиковать не буду.

— Не только публиковать.

Оксана держала ножницы закрытыми, кольцами к ладони. Ждала.

— И снимать не буду, — сказала Вера. — Спасибо, что сказали.

— Вы же для хорошего, я понимаю. Только хорошее потом всем рассылают.

За столом никто не засмеялся.

Вера вновь взяла карточку. Теперь ей самой не понравилась широкая пустая строка «Примечания»: туда легко было занести больше, чем нужно, — чужой страх, семейную ссору, замечание об одной тесной ванной. Она зачеркнула заголовок и написала над ним: «Что передать и кому».

— Вот эту часть я вам прочту, прежде чем кому-то отдавать.

Борис протянул руку.

— Дайте я сам.

Он долго читал, отодвигая лист от глаз. Исправил «сопровождение на лестнице» на «помощь на лестнице».

— Сопровождение — это когда рядом идёт и смотрит. Мне держаться надо.

Вера внесла поправку.

Наталья пила чай стоя. Когда отец отвлёкся на карточку, она на мгновение опёрлась бедром о край мойки и закрыла глаза. Потом услышала, как вода в ковше зашумела, и снова выпрямилась.

***

На втором этаже Валентина позвонила три раза. Из квартиры не ответили.

На старой зимней ведомости рядом с номером стояла фамилия, перечёркнутая двумя линиями.

— Эти уехали, — сказала Валентина. — Можно пусто.

— Ты с ними говорила?

— Соседка говорила.

— Когда?

— Не помню. В феврале, кажется.

Вера посмотрела на часы и записала: «10:04. Ответа нет».

— Придётся ещё раз идти, — сказала Валентина.

— Да.

— Мы так до вечера тут останемся.

Вера уже хотела ответить, что иначе нельзя, но увидела, как Валентина переставила сумку на другое плечо. У неё тоже были свои дела и больная нога, о которой она не упоминала, пока могла идти.

— Не обязательно нам, — сказала Вера. — Вечером другой человек зайдёт. Оставим вопрос, а не будем стирать.

Они договорились отмечать прямой разговор сплошным кружком, сведения от соседа — пустым, а отсутствие ответа — короткой чертой с временем. Валентина нарисовала знаки на обороте планшетки, чтобы потом не объяснять каждому заново.

Следующая дверь открылась почти сразу. Мужчина в куртке стоял среди разобранного шкафа. На полу лежал матрас, возле стены — связанная верёвкой стопка полок.

— Мы тут уже не живём, — сказал он. — Я за вещами. Сын после работы поможет.

Он согласился назвать имя и подтвердил, что ночует в «Высоком логу».

— Как там? — спросила Валентина.

— Нормально. Тепло. Жена окно открывает, я закрываю. Здесь наоборот было.

Вера записала отдельно дневное посещение. Не стала добавлять человека к тем, кто оставался на ночь.

— А вы всё-таки спросите про воду, — сказал он. — Нам тут мыть ещё полы. И соседям надо.

У шестого дома Оксана уже вынесла в прихожую складной стол. Из комнаты выглянула девочка с расчёской в руке.

— Мам, эту коробку тоже заклеивать?

— Нет, там твои кроссовки. Сначала реши, в чём пойдёшь.

На стене оставался светлый прямоугольник от снятого зеркала. Семья жила среди вещей, которым уже назначили другую квартиру, но до той квартиры ещё предстояло добраться.

Оксана подтвердила, что пока ночует здесь с семьёй. Подробности предложила обсудить позже, без разговора через порог. Вера согласилась. Для утренней отметки им хватало этого контакта.

В десятом Антон Лавров сидел на корточках у открытой стиральной машины. Дверь квартиры придерживал ящиком с инструментами. На полотенце лежали винты, щётка и небольшой пластиковый насос.

— Не наступите, — сказал он, не поднимая головы. — Там шайба. Она умеет исчезать.

Вера остановилась на пороге.

— Антон?

— Смотря кто спрашивает.

Он поднял глаза, узнал её и выпрямился.

— А, шторы. Помню. Мы тогда вам розетку переносили.

— Да. Вы сейчас здесь работаете или живёте?

— И то и другое. Машинка соседская, я её к себе дотащил, у них тесно.

Он показал крыльчатку насоса.

— Заколка попала. Слышите, как щёлкает? Хозяйка говорит, само началось. Оно всё само начинается, пока карманы не проверишь.

Из комнаты донёсся детский голос:

— Пап, зарядка где?

— Где оставил. На холодильнике посмотри.

Антон положил деталь на полотенце, прикрыл ногой ящик, чтобы дверь не распахивалась шире.

Вера объяснила, зачем они пришли. Он слушал внимательно, но после слов об отметке освобождения посмотрел на Валентину.

— А ночёвки кому нужны?

— Чтобы не считать людей уехавшими, если они здесь, — ответила она.

— Я не про зачем. Кому именно?

Вера повторила порядок, который утром описала Наталье. На этот раз говорить пришлось медленнее. Антон не спорил с каждым словом, но ждал, пока она закончит.

— Вы же потом в администрацию передадите.

— Если для конкретной помощи понадобится контакт, я скажу вам, куда его передаю. Сейчас в общий технический ответ фамилии не идут.

— А если у человека уже ключи есть? От другой квартиры.

— Это не мой вопрос для оценки. Я не проверяю условия переселения.

— Вы — нет.

Он произнёс это без нажима. От этого ответить было труднее.

Вера посмотрела на полотенце с разложенными винтами.

— Обещать, что никакое ведомство никогда не спросит о проживании, я не могу. Но собирать здесь всё подряд и отправлять одним файлом не буду.

Антон помолчал.

— Запишите, что со мной поговорили. Сообщения по воде через меня можно. Номер дам. Остальное потом?

— Потом. Только это будет неполная карточка. Я так и отмечу.

— Отмечайте.

Он продиктовал номер и сразу попросил позвонить, чтобы сохранить её контакт. На его телефоне высветилось имя из старой переписки: «Вера шторы». Он неловко улыбнулся.

— Переименую.

— Можно оставить. Хоть понятно, откуда знакомы.

Когда они отошли, Валентина сказала негромко:

— Семья же там. Чего он…

Вера не дала ей закончить:

— Не знаю.

В двенадцатом домофон не работал. Дверь открыла женщина, выносившая мусор. Она согласилась подождать во дворе, пока Вера запишет время, и сообщила, что живёт на втором этаже. На вопросы о соседях отвечала осторожно: одни уехали, другие приезжают, у кого-то свет бывает, но она не видела людей лично.

— Вы лучше вечером. У нас многие работают, — сказала она. — А то днём придёте и опять никого нет.

Вера записала её просьбу почти дословно.

До следующего урока оставалось сорок минут. Четыре дома уже не укладывались в утреннюю прогулку. За каждой дверью появлялось новое время, когда можно застать человека, свой способ связи, чужое обещание вернуться за шкафом, смена, лаборатория, ребёнок с потерянной зарядкой.

Они присели на сухой край скамьи у шестого. Валентина раскрыла зимнюю ведомость, но Вера положила поверх новые карточки.

— Старое пока не переносим.

— Поняла я. Давай сверим, что сделали.

Они сверили. В каждом доме состоялся прямой разговор с человеком, который подтверждал нынешнее проживание. Были дневные посетители, были действительно переехавшие. Часть дверей не открылась. Общего числа у них не было.

Вера сфотографировала только маршрутный лист — без номеров квартир и контактов. Матери отправила текст:

«Во всех четырёх домах есть прямое подтверждение проживания. Сегодняшние контакты, не вывод по счётчикам. Есть также приезжающие за вещами и уже уехавшие. Обход неполный, общего числа пока нет. Продолжим вечером. Контакты держим отдельно, передачу для конкретной задачи согласуем с людьми».

Ответ пришёл через минуту:

«Принято. По воде новые сведения сообщу. Спасибо».

Вера ещё раз прочла своё сообщение. Ей хотелось добавить: «Там обычные семьи». Но это звучало так, будто для другой семьи отметка об освобождении стала бы менее спорной.

Она убрала телефон.

Из восьмого вышла Наталья — уже в пальто, с сумкой для сменной обуви. В руке она держала оторванный край конверта.

— Чуть не забыла. Вы спрашивали, есть ли обращение по отцу. Вот номер. У меня весь ответ дома, сейчас некогда искать.

Вера взяла бумажку.

— Можно передать номер Елене Нестеровой? Она юрист, посмотрит, у кого запросить ответ. Само заявление без вас никому не рассылаем.

— Можно. Только напишите, что я не прошу отца снять с чего-нибудь. Я прошу, чтобы ему было куда переехать.

— Так и передам.

Наталья оглянулась на окно. Борис сидел за столом; через стекло виднелась только его рука возле синей кружки.

— Я ему позвоню после обеда, — сказала она, хотя Вера об этом не спрашивала.

Потом быстро пошла к остановке.

Оксана появилась у подъезда с плоской стопкой картона.

— Уходишь?

— На урок. После смогу вернуться.

— Тогда в мастерскую зайди. Нужны руки и человек, который разборчиво пишет на коробках.

— Я хотела ещё расспросить про переезд.

— Расспросишь. Только сначала помоги.

Вера перехватила папку, чтобы не тянуло правое плечо.

— Что принести?

— Толстый маркер. И не чёрный пакет, всё в них теряется.

Оксана придержала коленом дверь и скрылась внутри. Вера записала под номером обращения: «Маркер».

До звонка она успевала. В школьном кабинете ждали контрольные, шкаф с реактивами и манжета, которую ещё можно было отстирать. А после уроков — вещи, приготовленные к отъезду, и люди, у которых предстояло спросить гораздо больше, чем адрес.

Глава 3. Не возвращаться

На первой коробке Вера написала «Ткани», и Оксана сразу зачеркнула.

— Это мне потом все открывать. Пиши: «Подкладка. Светлая. Остатки от метра».

Маркер был толстый, с непривычно тугим колпачком. Вера прижала коробку коленом и вывела надпись на боковой стенке.

— Сверху тоже?

— Сбоку с двух сторон. Сверху другая встанет.

В мастерской оставался проход от двери до раскройного стола. Всё остальное занимали рулоны, пакеты с клиентскими вещами, открытые коробки и разобранный стеллаж. На стене за ним проступил чистый прямоугольник: вокруг обои пожелтели, а внутри сохранился первоначальный серый цвет. Вера раньше думала, что они бежевые.

Оксана вынула из ящика тяжёлые портновские ножницы, обернула лезвия полосой картона и положила отдельно.

— Эти со мной. Не заклеивай.

— А машинки?

— Сначала механик закрепит головы. И масло сольёт, где положено. Просто в кузов положить нельзя.

Вера посмотрела на три машины вдоль окна. Одна ещё была заправлена красной ниткой, под лапкой лежал край детской куртки. У другой не хватало ремня, третью уже закрыли чехлом.

— Всё перевозишь?

— Одну. Вторая чужая, брала поработать. Старую продам, если купят. Если нет — отдам на детали.

Оксана сказала это без сожаления, но винт от снятой направляющей завернула в бумагу и приклеила к самой направляющей. Ничего не бросала в общую кучу.

Помещение было отдельным от квартиры, в короткой пристройке у шестого дома. Сюда спускались за молниями, укорачивали школьные брюки, ушивали рабочие куртки. Зимой Вера приносила сюда плотную ткань для окон в помещении наблюдателей. Тогда стол казался неподъёмным и постоянным, как сама стена. Теперь Оксана подлезла под него, проверила гайку и попросила записать на листке: «Ключ на семнадцать».

— Муж вечером разберёт. Если крепёж пойдёт.

— Ты уже машину заказала?

— На вещи цену узнала. Заказать пока не могу. Сначала деньги, потом дата.

Она подтолкнула к Вере пустую коробку.

— Только эту до верха не набивай. Попробуй ту поднять.

Вера взялась за прорези, потянула. Коробка оторвалась от пола на ладонь, и правое плечо сразу напомнило о себе.

— Положи, — сказала Оксана. — Без соревнования. Это я вчера тоже решила, что ткань лёгкая.

Пришлось вынимать половину. Оксана перекладывала отрезы, Вера подписывала, затем они вдвоём поднимали коробку на несколько сантиметров и решали, можно ли добавить ещё. На переезд, выяснялось, влияли не только деньги и адрес. Влияли ширина дверей, прочность картона, чужие руки, которые придётся просить, и то, какую из машин Оксана сможет подключить первой на новом месте.

У двери стоял ряд чехлов с пришитыми бумажными бирками.

— Эти куда?

— Никуда. Выдача до вечера. Вот пуховик никак не заберут. Я хозяйке уже третий раз звоню.

— Можно оставить у Валентины.

— Валентина мне складом не нанималась.

Оксана набрала номер, прижала телефон плечом и продолжила складывать подкладку.

— Мария Петровна, это мастерская. Да, готов. С понедельника готов… Нет, доплачивать не надо. Мне нужно, чтобы вы забрали… Сегодня до семи. Если не можете, скажите, кому отдать.

Она выслушала ответ, записала на бирке имя и убрала телефон.

— У всех своя жизнь, — сказала она. — Вещь готова — значит, её можно пока не забирать. А мне с ней уезжать.

Вера пододвинула коробку поближе.

После уроков она собиралась зайти ненадолго: помочь с тяжёлым, расспросить о доплате, взять номера обращений. Но за первые сорок минут они только освободили край стола и нашли шесть пар ножниц, из которых Оксана оставила три. Ненужные она не дала выбросить.

— Отнесу в школьный кружок. Эти ткань уже плохо режут, бумагу нормально.

— Для бумаги у нас есть.

— Значит, кому-нибудь другому. Не всё же тебе спасать.

Вера усмехнулась. Оксана, кажется, вовсе не шутила.

На подоконнике лежал блокнот заказов. Вера невольно задержала взгляд: после последней заполненной страницы была ещё одна, с адресами северного берега и пометками возле фамилий.

— Клиенты туда тоже переехали?

— Некоторые. Две женщины оттуда сами нашли. Одной пальто переделывала, она соседке сказала.

— Можно через районную сеть оставить связь. Чтобы с Рамповой тебе передавали. Раз в неделю кто-нибудь возил бы вещи туда-сюда.

— Посмотрим.

— А потом, когда здесь с водой и домами разберутся, можно хотя бы приём оставить. Не каждый же через реку поедет. Вернёшься на день, соберёшь заказы…

Оксана расправила отрез на столе. Провела ладонью по складке, хотя складывать его собиралась снова.

— Я не собираюсь возвращаться.

Вера замолчала с маркером в руке.

— Я не про жить. Про мастерскую.

— И про мастерскую тоже. Мне доплата нужна, чтобы закончить переезд. Не чтобы ещё полгода удерживать здесь помещение.

— Я просто предложила связь сохранить.

— Связь можно. Помещение — нет.

На улице прошла машина, шина продавила воду в выбоине. По нижней части окна скользнул грязный веер. Оксана даже не посмотрела.

— Здесь аренда небольшая, — сказала Вера и сразу поняла, как это прозвучало.

— Знаю. Я её плачу.

Она поставила на весы небольшой свёрток с фурнитурой, сняла, добавила к нему пакет.

— Там место дороже. Зато рядом школа, транспорт и люди, которые уже живут. Мне вчера предлагали угол у женщины, она шторы шьёт. Не дворец, но работать можно. Только она ждать вечно не будет.

— Доплату всё ещё не согласовали?

— Согласовали сумму. Перечисление ждём. Это теперь два разных события.

Оксана достала из нижнего ящика тетрадь в клетку. В ней шли столбцы расходов, написанные разными ручками.

— Смотри. Здесь помещение. Там удержание места под мастерскую — я уже внесла за две недели, иначе отдадут. Проезд. Грузчики приезжали считать объём, не бесплатно. Муж сменами меняется, чтобы попасть на приём, потом отрабатывает. В квартире коробки стоят, ребёнок уроки делает на кухне. В школе спрашивают, переводить его или нет. Я говорю: пока не знаю. Сколько можно это говорить?

Вера прочла нижнюю строку, но цифра не задержалась в памяти. Её задело другое: «рядом люди, которые уже живут». Здесь тоже жили. Сегодня утром они сидели у Натальи за столом, передавали хлеб, спорили о зарядке для телефона. Оксана сама приходила с лентой.

Вера почувствовала обиду, слишком сильную для замечания о месте под мастерскую. Будто все их зимние обходы, чужие диваны, чай в школе и ночные звонки Оксана собиралась оставить вместе со старым стеллажом.

Она наклонилась за пустыми пакетами.

— Вот это тоже в новую мастерскую?

— Нет, это хорошие обрезки для прихваток. Соседка заберёт.

— Тогда подпишу.

— Вера.

Она выпрямилась.

— Я здесь сына вырастила до средней школы. У меня половина людей в телефоне отсюда. Это никуда не денется. Но я хочу переехать и больше не обсуждать каждую весну, когда нам искать грузовую машину.

— Я услышала.

Оксана посмотрела на неё, затем закрыла тетрадь.

— Тогда не пиши на коробке «для возвращения».

На коробке Вера ещё ничего не написала.

***

Квитанцию Оксана искала в папке из-под выкроек. Между листами плотной бумаги лежали договоры, распечатанные письма, школьная справка и гарантийный талон на утюг. У талона края потемнели от машинного масла.

— Всё отдельно раскладывала, — сказала она. — Потом пришла домой, там пакуют, сюда принесла. Теперь отдельно от всего.

Вера освободила середину стола. На ткань документы класть Оксана не разрешила: свежий маркер мог оставить след.

Нашлась квитанция, за ней — копия заявления с прямоугольным штампом. Оксана взяла её двумя пальцами, прочла первый абзац.

— Вот про расчёт. И тут же писала, что мы по старому адресу остаёмся.

— Можно посмотреть?

— Можно. Только это не для чата.

Вера положила телефон рядом экраном вниз.

Заявление было коротким. Оксана просила сообщить дату окончательного расчёта, указывала, что семья продолжает проживать на Рамповой, и объясняла, почему не может назначить перевозку. Внизу стояли входящий номер и дата — почти два месяца назад. На отдельном листе она перечисляла замечания к квартире, которую тогда показывали: течь у подводки под мойкой, незакрывающаяся балконная дверь, отсутствие части согласованного оборудования.

— Это та, куда вы сейчас собираетесь?

— Нет. Ту не взяли. Потом другой вариант нашли. Я им ещё раз писала, чтобы не отвечали мне про ремонт той квартиры, когда вопрос уже про деньги.

Оксана перебрала листы и вытащила ответ.

В нём сообщалось, что обращения по взаиморасчётам и гарантийным обязательствам приняты к урегулированию. Срок завершения зависел от согласований. Для уточнения предлагали обратиться к ответственному специалисту.

— Обратилась? — спросила Вера.

— Трижды.

— Что про проживание ответили?

— Там же написано. Урегулируют.

— Здесь про расчёты и гарантию. А что вы остаётесь…

— Я им по телефону говорила. И на приёме. Они знают, где нас искать. Бумаги сюда приносят.

Вера ещё раз прочла заявление. Фраза о нынешнем проживании была внутри абзаца, между просьбой о сроке перечисления и описанием расходов. Её легко было принять за пояснение к денежному требованию. Возможно, так и приняли. Но от этого семья не переставала ночевать в шестом доме.

— У меня утром на руках был только статус домов, — сказала Вера. — Там они освобождены.

— Мы это уже поняли. Тебе теперь нужно доказать, что я здесь сижу?

— Нет. Нужно выяснить, откуда статус. И что произошло с сообщением, что вы остаётесь.

— Сообщение вон. С печатью.

— Печать доказывает, что приняли. Что с ним дальше делали, здесь не видно.

Оксана потёрла лоб тыльной стороной запястья. На пальцах у неё осталась пыль от старого картона.

— Это всё опять отдавать?

— Оригиналы оставь у себя. Я могу записать номера и снять те части, где вопрос, дата и отметка приёма. Передам Елене Нестеровой, юристу «Резерва». Она скажет, что можно запросить. Суммы и банковские реквизиты ей сейчас не нужны.

— И она поможет с доплатой?

Вера чуть не ответила: «Постараемся». Вместо этого сказала:

— Я спрошу отдельно. Сейчас не могу обещать.

— Отдельно запиши. А то проживание моё всем интересно, деньги — никому.

Вера открыла карточку и вписала просьбу. Оксана проследила, чтобы там появились оба слова: «срок перечисления».

Для снимков они закрыли ненужные строки двумя листами картона. Полный текст оставался у Оксаны; Вера записала, какие части не снимала. На одном ответе дата расплылась от воды, зато номер читался. Она попросила подержать край ровно, сделала второй кадр и показала хозяйке.

— Это Елене. Больше пока никому.

— Хорошо.

— Если потребуется весь ответ, она объяснит зачем.

— Пусть объяснит.

Вера убрала документы в прозрачный файл. С краю лежала записка Натальи — та самая, оторванная от конверта. У двух женщин были разные обстоятельства, но письма заканчивались почти одинаково: ожиданием следующего действия, которое совершит кто-то другой.

В дверь постучали костяшками. Вошёл невысокий мужчина в рабочей куртке, с чистым пакетом под мышкой.

— Пальто Марии Петровны, — сказал он. — Она звонила?

— Имя?

Он назвался, и Оксана сверилась с биркой. Мужчина вздохнул.

— Да она мне тётка.

— Это она мне сказала. А ты мог быть кем угодно.

— Пальто похитить пришёл. Вещь редкая, шестьдесят второй размер.

Оксана выдала чехол и попросила осмотреть подкладку. Пока мужчина разворачивал пальто, Вера собрала бумаги. Он заметил адрес на верхнем листе.

— Всё ещё в «Высокий лог» собираетесь?

— Собираемся, Андрей.

— У сестры там хорошо. Я в воскресенье был. Во дворе сухо, мальчишки на самокатах. Она говорит, впервые ботинки у порога не моет.

Вера спросила, в каком доме.

— В третьем. Она переехала сразу, как отделку доделали. Здесь у неё к весне угол цвёл, сколько ни суши. А там пока нормально.

— Пока, — сказала Вера.

Оксана резко оторвала кусок ленты.

— У нас везде «пока». Не надо за весь квартал решать по чужой балконной двери.

— Я не решаю.

— Тогда пусть у его сестры будет хорошо.

Мужчина перестал проверять подкладку.

— Я не к тому, что у вас тут зря жалобы. У племянника в соседнем доме с лифтом возятся. Только у сестры работает. Она довольна.

— И хорошо, — ответила Вера.

Ей пришлось сказать это ещё раз, потому что первый раз вышло сухо.

Мужчина забрал пальто, придержал дверь, пока Оксана выставляла пакет с обрезками для соседки, и ушёл. В мастерской снова стало слышно, как в старом светильнике подрагивает тонкий металлический кожух.

Вера взяла рулон ленты.

— Давай я заклею.

— Дно сначала проверь. Эти коробки уже один переезд пережили.

***

К шести часам стол освободился наполовину. На нём лежали только незаконченная куртка, блокнот выдачи и инструменты, которые Оксана собиралась увезти сама. Вера села на табурет у двери и достала телефон.

В районной сети ждали сообщения. Утром она обещала рассказать, что удалось проверить; теперь люди пересылали друг другу снимок городской отметки и спрашивали, не отключат ли вслед за ней воду. Кто-то уже написал, что всех оставшихся будто бы признали самовольными жильцами.

Вера ответила на последнее отдельно:

«Такого документа у нас нет. Статус в планировочной витрине не устанавливает законность проживания. Не распространяйте это как факт».

Потом начала общий текст.

Оксана стояла спиной, снимала с крючков лекала. Часть складывала в плоскую папку, часть просматривала и отправляла в бумажный мешок. Вера слышала шорох, пока подбирала слова.

«Сегодня в домах 6, 8, 10 и 12 по Рамповой подтверждено проживание. Обход не закончен. Есть люди, которые остаются, есть ожидающие расчётов и возможности выехать, есть приезжающие только за вещами. Мы добиваемся проверки статуса домов и помощи без принуждения к жилищному решению».

Она перечитала. Всё было верно, но текст казался ей слабым — будто очередное уведомление о том, что неизвестное принято к уточнению. В комментариях его растянут по отдель-

ным случаям, каждый отправят в свою очередь, и к вечеру останется спор о том, достаточно ли четырёх разговоров, чтобы считать квартал живым.

Вера добавила:

«Рамповой нельзя назначить пустоту по таблице. Здесь продолжается жизнь, и район должен её сохранить. Мы будем добиваться, чтобы людей не выталкивали из своего квартала отсутствием воды, помощи и внимания».

Она не написала «все жители требуют». Сообщение шло от её имени. И всё же теперь в нём появилось то, ради чего хотелось нажать «отправить».

— Что там? — спросила Оксана.

Вера прочла вслух. Оксана повернулась, держа картонное лекало детского капюшона.

— Про выталкивание я не говорила.

— Это не цитата.

— Меня только не включай в тех, кто против переезда.

В черновике ещё оставалось предложение с примером её семьи: Оксана ждёт доплаты, продолжая жить в доме, который считается освобождённым. Вера выделила имя, потом удалила всю фразу.

— Убрала. Ни имени, ни твоих обстоятельств не будет.

— Я хочу, чтобы мне дали уехать нормально.

— Я же написала: без принуждения. Это и про тебя.

Оксана прислонила лекало к мешку.

— Ладно. Коробку у двери не заклеивай, туда ещё занавеска пойдёт.

Вера отправила сообщение. Первые отметки появились почти сразу. Кто-то благодарил, кто-то просил прийти вечером, один человек написал: «Правильно. Не дадим добить квартал».

Она поставила ему знак согласия и вернулась к рабочей переписке.

Валентина могла пройти только восьмой дом: нога после утреннего обхода разболелась. Вера не стала уговаривать её взять ещё один подъезд. Договорились работать вдвоём с наблюдательницей, которая освободится после смены, и не обходить закрытые двери по третьему разу, если уже назначено время разговора. В десятом и двенадцатом на вечер были люди, готовые встретиться.

— Я на коробках ещё нужна? — спросила Вера.

— На десять минут. Потом иди.

Вера включила голосовую связь с Валентиной и положила телефон на свободный край стола.

— В карточках добавь вопрос: если человек собирается уехать, что мешает. Деньги, транспорт, состояние квартиры, ещё что-то. Только со слов человека.

— У нас уже есть «помощь».

— Там все пишут про продукты и лекарства. Нужно про выезд отдельно.

— А если не хочет уезжать?

— Тоже записать. Не выбирать за него.

Оксана подняла на неё глаза, но промолчала.

— Северные квартиры кто проверять будет? — спросила Валентина.

— Сегодня только соберём контакты тех, кто согласен показать. Не ходим туда без хозяев. И не пишем, что весь «Высокий лог» непригоден. Есть нормальное жильё, люди живут.

— Это я знаю. У меня двоюродная туда просится.

После звонка Вера передала Елене номер Натальиного обращения и точную просьбу: найти порядок решения по жилью Бориса, не снимать его ни с какого учёта. Затем — отдельным пакетом — согласованные фотографии Оксаны и перечень того, что осталось за кадром. Добавила просьбу о доплате, как обещала.

Елена ответила не сразу. Вера успела заклеить две коробки и подписать плоскую папку с лекалами.

«Получила. Оригиналы пусть сохранят. По снимкам можно установить содержание и реквизиты обращений, не внутренний маршрут. Запрошу возможность сверки. По сроку расчёта нужен отдельный разговор с Оксаной; номер передавайте только с её согласия».

Оксана разрешила. Вера вписала, когда ей удобно отвечать, и показала сообщение перед отправкой.

— Вот так лучше, — сказала Оксана. — А то мне звонят, когда машинка работает. Я снимаю ногу с педали, они уже недовольны, почему долго не беру.

На улице потемнело. Свет мастерской отражался в стекле, за ним стали плохо различимы двор и мокрый снег под стеной. Вера подошла к окну и увидела между коробками старую занавеску — короткую, кремовую, с узкой синей полосой по краю.

— Эту снимать?

— Да. Только за карниз не тяни, он уже на одном креплении.

Оксана принесла устойчивую двухступенчатую подставку. Сняла занавеску сама, передавая Вере край, чтобы ткань не попала на пол. Над окном осталось несколько колец, которые она пересчитала и сложила в маленький пакет.

Занавеска оказалась выгоревшей неравномерно. В складках сохранился тёплый цвет, снаружи ткань почти побелела.

— В новую мастерскую? — спросила Вера.

— На кухню. Она короткая, там как раз окно над столешницей. Постираю ещё.

— Можно новую сшить.

— Можно. Эту хочу.

Оксана разгладила ткань руками, сложила и вложила в отдельный чистый пакет. Вера написала: «Занавеска. Кухня». Подумала и добавила на другой стороне: «Не в рабочие ткани».

Из-за стеллажа Оксана достала табличку с прежним названием мастерской. Буквы были напечатаны на цветной бумаге под пластиком; у одного края пластик лопнул. Она сняла скотч, посмотрела на табличку и положила в мешок с негодной упаковкой.

— Не берёшь?

— Адрес здесь старый. И часы работы уже два года неправильные.

Вера не стала предлагать сохранить.

Телефон завибрировал на столе. Пришло сообщение от матери: городские службы назначили на раннее утро совместный осмотр у низкого проезда. Будут гидрологи и дорожники. По срокам доступа пока выводов нет; Ирина просила сообщать о новых изменениях дороги, но не ходить к воде ради фотографии.

Вера прочла сообщение Оксане.

— Во сколько осмотр? — спросила та.

— Рано. Результат обещают утром.

— Тогда я мужу скажу, чтобы стол сегодня разобрал. Чего ждать.

Она проверила дно последней коробки, уложила сверху пакет с занавеской и оставила клапаны открытыми.

Вера надела куртку. Толстый маркер решила оставить — утром он снова понадобится. У двери пришлось повернуться боком: проход занимали уже упакованные вещи, каждая коробка с надписью на двух сторонах.

Мастерская выглядела просторнее, но выйти из неё стало труднее. Оксана отодвинула одну коробку ногой, пропуская Веру, и вернулась к куртке под лапкой машины. До семи за ней ещё должны были прийти.

Глава 4. Тридцать часов

Гидролог говорил, что вода подойдёт к проезду завтра днём. Дорожник — что машины придётся остановить раньше.

На экране между ними лежала одна и та же дорога: узкая полоса асфальта, серая щебёночная обочина, канава с остатками снега. Гидролог показывал край ожидаемого затопления. Дорожник обвёл место, где под обочиной уже проступила вода.

— На покрытии пока сухо, — сказал дежурный у компьютера.

— Я вижу, — ответил дорожник. — Снимок мой.

Ирина пододвинула стул ближе к столу. В малом зале городского управления пахло влажными куртками и кофе из автомата. Из открытой двери тянуло сквозняком; кто-то подпёр её коробкой бумаги, чтобы участники утреннего осмотра не стучали каждые две минуты. Большой ситуационный зал ещё не включили. Рабочий штаб собрали здесь, под низким потолком, возле экрана, на котором плохо различались серые линии.

Справа у Ирины шелестело. Она поправила аппарат за ухом, но звук остался: дорожник, подключённый из машины, держал телефон слишком близко к воротнику.

— Повторите ограничение, — попросила она. — Что именно прекращает допуск: вода сверху или состояние основания?

Мужчина на экране отвёл телефон.

— Состояние основания. Вода может ещё не выйти на асфальт. Низ насыпи уже замачивается со стороны канавы. Тяжёлая машина даст колею, потом край начнёт уходить. Если ждать, пока проезд скроется, мы опоздаем.

— Сейчас движение допускаете?

— Да, по осмотренному участку. Без остановки на низком отрезке и без разъезда по обочинам. Категории машин — в приложении. Автобус надо смотреть по фактической массе, не по названию.

Ирина нашла на распечатке время последнего осмотра. Пять двадцать семь. На фотографии возле края асфальта стояла рейка; за ней блестела вода, не похожая ещё ни на реку, ни на угрозу. Обычная весенняя лужа, из тех, через которые на работу ходят по доскам.

— А прогноз уровня? — спросил Константин Воронов.

Он сидел во главе стола, но бумаги разложил сбоку, освобождая середину для карты. Руководитель городской эвакуационной группы приехал с осмотра вместе с дорожниками: на брюках до колен высохли светлые брызги. Одну манжету он подвернул, вторую ещё нет.

Гидролог увеличил график.

— По наблюдениям верхних постов подъём продолжается. Расчётный подход воды к отметке покрытия — завтра во второй половине дня. Разброс несколько часов. Но для дороги важнее подпор в канаве: он начнётся раньше. Мы дали дорожной службе диапазон, они наложили его на состояние насыпи.

— То есть завтра днём — не время последнего автобуса, — сказала Ирина.

— Нет, — ответил дорожник. — Последний автобус должен пройти до ограничения. И не стоять здесь, пока кто-то выносит холодильник.

Воронов посмотрел на настенные часы.

Без минуты шесть.

— В протокол: плановое закрытие низкого проезда завтра в двенадцать. При ухудшении основания — раньше, по решению ответственного за допуск. Текущие ограничения действуют с момента этого совещания. Уведомление перевозчикам направить сейчас, не после общего протокола.

Дежурная секретарь начала печатать. Воронов дождался, пока она повернёт к нему экран, прочёл и добавил:

— Отдельно укажите: срок не является гарантией проезда до двенадцати.

На часах сменились цифры. Шесть ноль ноль.

Ирина записала время на верхнем поле своей карты.

Тридцать часов. Вчера в мастерской Оксаны ещё заканчивали чужую куртку. Сегодня нужно было найти людей за закрытыми дверями, выяснить, кто сможет выйти сам, кому потребуется помощь на лестнице, кто собирается уехать к родственникам. Потом — машины, посадка, приём. Если человек говорил «я у сына», следовало ещё узнать, ждал ли его сын.

Ни один из этих разговоров нельзя было заменить расстоянием до воды.

— У нас получается южный берег под угрозой отсечения? — спросил мужчина возле двери. Он только вошёл и ещё не снял куртку.

Воронов поднял глаза, но Ирина ответила раньше:

— Нет. Покажите общий план.

Дежурный отдалил карту. Появилась Яра, три моста, железнодорожная дуга и мелкие прямоугольники складов. Низкий проезд почти исчез.

— Мосты работают, — сказала Ирина. — Подтвердите.

— На всех трёх движение без паводковых ограничений, — ответил транспортный дежурный. — По одному плановые работы, но проезд есть.

— Тогда не пишите про отсечённый берег. У нас местный подъезд к нижней части Рамповой. Машина может пересечь всю Яру и не добраться последние несколько сотен метров до дома.

Мужчина у двери положил телефон экраном вниз.

— Я для сообщения уточнял.

— Вот это и сообщайте, — сказал Воронов. — Схему с границей участка получите у дежурного. Не обрезайте её до красного пятна.

Он потянул к себе бумажный план. Ирина заметила, что тот был уже исписан карандашом: остановки, места разворота, фамилии ответственных от организаций. На соседней улице возле двух общежитий стояли время подачи и номер транспортной группы. У складов — отдельная пометка о вывозе работников ночной смены.

Возле четырёх домов на Рамповой не было ничего.

Воронов провёл пальцем вдоль улицы, затем развернул к себе второй лист.

— Так. Шестой, восьмой, десятый, двенадцатый?

— Да.

— У меня их нет.

— В списке жителей?

— В адресном задании целиком.

Он поднялся, подошёл к экрану и попросил открыть действующее задание перевозок. В таблице были улицы, пункты сбора, расчётная посадка, принимающие площадки, ответственные за связь. Поиск по Рамповой выдал верхнюю часть улицы и муниципальный объект у поворота. Четыре нижних дома не появились.

— Покажите исходную сезонную выгрузку, — сказала Дарья.

Она сидела у торца стола, рядом с сотрудником, у которого был доступ. Её собственный ноутбук оставался закрытым. С тех пор как она ушла из «Свода», просьба показать данные почти всегда означала ожидание возле чужого экрана.

Сотрудник переключил окно.

— Здесь по этой зоне остаточная потребность только по нежилым объектам.

— Дома удалены из географии?

— Нет. На карте есть. В расчётной потребности их нет.

Воронов вернулся на место.

— Вчера мне сообщили про несоответствие по воде. Про людей в этих домах в задании подготовки не было.

Ирина вынула маршрутный лист Веры. Не карточки с именами — только адреса, время обходов и отметки прямого контакта.

— Вчера разговаривали с проживающими в каждом из четырёх домов. Вот время. Наблюдатели готовы подтвердить. Обход не закончен.

Воронов взял лист, посмотрел на условные обозначения.

— Сплошной кружок?

— Прямой разговор. Пустой — сведения со слов соседа. Черта — не открыли.

— Здесь только сплошные.

— Для этого листа оставили подтверждённое. Контактные карточки отдельно.

— Кто собирал?

— Вера Шахова и Валентина, районная сеть наблюдателей. Вчера утром, затем продолжили вечером. Это не перепись всего квартала.

На дальнем конце стола сотрудница управления раскрыла папку.

— В планировочной витрине дома освобождены. Возможно, люди приходят за имуществом.

— Приходящих за вещами отмечали отдельно, — сказала Ирина. — Здесь подтверждено нынешнее проживание.

— Но статус…

Воронов положил лист поверх карты.

— Статус проверим. Люди есть — начинаем работу по людям.

Он сказал это без нажима, словно закрывал один из пунктов обычной планёрки. Ирина почувствовала, как ослабла мышца под лопаткой: она приготовилась спорить дольше.

Но Воронов уже повернул к ней другую сторону вопроса.

— Сколько?

— Пока не знаем.

— Сколько не может выйти без помощи?

— Есть как минимум обращение по человеку с ограниченной подвижностью. Актуальный состав потребностей собирается.

— Кто уедет сам?

— Выясняют.

— Куда принимать остальных?

Ирина не ответила.

Воронов постучал ногтем по пустому месту на плане.

— Вот что у меня здесь отсутствует. Не четыре названия. Подъезд машины, место посадки, человек, который встретит водителя, и тот, кто примет людей на другом конце.

— Я не прошу сейчас назначить число автобусов по расходомеру.

— А по воде можно хотя бы верхнюю оценку? — спросил транспортный дежурный.

— Нельзя, — ответила она. — Там могут быть утечки, дневная нагрузка, другие потребители. Мы подтвердили провал давления и наличие расхода. Людей подтверждали разговором. Из литров пассажиры не получатся.

Дарья коротко кивнула, не отрываясь от экрана.

Воронов перевернул маршрутный лист. Оборот был чистым. Он написал на нём четыре адреса.

— Подтверждённого присутствия достаточно, чтобы начать адресное дополнение. Для выпуска машин нужно больше. Не полный паспортный стол, но места, помощь, связь и маршрут. Собирать будем параллельно.

Он посмотрел на сотрудницу с папкой.

— Управление территорий: сегодня организовать проверку домов совместно с районными контактами. Не ходить по одному и не считать отсутствие ответа отсутствием человека. Назначьте ответственного сейчас.

Та назвала фамилию, секретарь повторила её и записала.

— Перевозки: подготовить варианты по вместимости и доступности. С учётом дорожного допуска. Размещение…

Женщина у настенного телефона подняла руку.

— Представитель ещё едет. Есть дежурная на линии.

— Соедините. Мне нужен ответственный за предварительный приём, не общая справочная.

Ирина посмотрела на часы. Шесть четырнадцать. За четырнадцать минут они ещё никому не дали места в машине, но впервые появился человек, который обязан был это сделать.

— Вы можете подписать дополнение без отдельного решения администрации? — спросила Елена.

— Адресную часть — могу, — сказал Воронов. — В пределах своей задачи. Дополнительные машины за рамками выделенного ресурса придётся согласовать. Приём размещение подтверждает само. По жилью я ничего подписывать не буду.

— И отсутствие дома в задании не является основанием отказать в помощи.

— Нет. Это недоработанное задание. Чьё и почему — устанавливайте. Мне сейчас нужно, чтобы оно стало исполнимым.

— Запишем именно так.

Елена открыла блокнот на новой странице. У неё под локтем лежало приглашение «Резерва» на рабочее совещание, распечатанное ещё в депо. Ирина успела подумать, что сейчас начнётся уточнение запятых, пока на проезде поднимается вода.

— Основание нашего участия, — сказала Елена, — технический разбор расхождений по четырём адресам. Запрос подписан вашим заместителем вчера в двадцать один сорок. Подтвердите, что мы можем получить использованную сезонную выгрузку, действующее задание перевозок и материалы утреннего осмотра в части этого участка.

— Подтверждаю. Без персональных данных посторонних адресов.

— Кто предоставляет каждый пакет и когда?

Воронов назвал службы. Елена записала. Затем попросила фамилии непосредственных исполнителей.

Ирина откинулась на спинку. Вчера они полдня выясняли, у кого находится официальный архив водоканала, хотя все знали, что архив существует. Сейчас женщина возле телефона перестала искать просто «кого-нибудь по размещению» и записала имя руководителя смены. Транспортный дежурный отправил запрос конкретному специалисту, не в общий ящик.

Елена подняла глаза:

— Ирина Павловна, перечень достаточен для первого сопоставления?

— Добавьте схему, по которой прокладывали маршруты. С датой.

— Добавила.

Раздражение ушло не сразу. Оно ещё держалось в пальцах, которыми Ирина сжимала ручку.

* * *

К половине седьмого большой экран погас на несколько секунд, и все увидели в нём своё отражение. Дежурный переключал вход: Дарья добилась показа сведений о пакете, из которого формировалось сезонное задание.

В отражении Ирина выглядела старше, чем чувствовала себя до начала совещания. Сухой свет ложился на седину у висков; аппарат цеплял дужку очков, когда она поворачивала голову. Она сняла очки, протёрла их краем салфетки и снова посмотрела на таблицу.

Дарья попросила открыть три строки: дату выгрузки, состав источников и контрольную сумму.

— Пока я могу сказать только это, — произнесла она. — В использованном входном пакете нет жилой потребности по четырём адресам. В сформированном задании нет соответствующих остановок. Причина отсутствия потребности здесь не видна.

— «Контур-Путь» их исключил? — спросил Воронов.

— Мы этого не установили. Если перевозчику передали ноль пассажиров, отсутствие рейса не объясняется отдельной сортировкой внутри транспортного модуля. Надо смотреть, что поступило на вход.

Ирина вспомнила зимнюю таблицу, где одинаковые кварталы получали разное время холода. Слишком легко было увидеть ту же таблицу за любым новым отказом.

— Значит, пока пишем: нет исходной потребности, — сказала она. — Не пишем, почему.

— Да.

— И сохраним тот пакет, по которому работали.

Сотрудник у компьютера повернулся.

— Я могу сделать актуальную выгрузку после исправления. Там уже будут адреса.

— Нужны обе, — ответила Ирина. — Старую не вместо новой. Новую не вместо старой.

— Это через администратора.

Елена наклонилась к краю стола:

— Внесите поручение сохранить использованный пакет и версию задания до корректировки. Исправление не задерживать. Копию нам — с составом и временем формирования. Контрольные суммы сверим при передаче.

Сотрудник посмотрел на Воронова. Тот кивнул.

— И маршрутную схему тоже. Сегодняшнюю работу по вчерашней картинке потом не восстановим.

Дарья достала ноутбук, но не стала просить пароль. Переписала видимые реквизиты в рабочую заметку и показала сотруднику, чтобы тот сверил.

От настенного телефона позвали Воронова. Он взял трубку, выслушал и несколько раз повторил адреса.

— Нет, численности ещё нет… Предварительно — варианты, не бронь на выдуманное количество… Да, отдельно доступность… Мне нужен человек, который сможет подтвердить приём сегодня, а не справка о вместимости здания.

Ирина смотрела на его руку с трубкой. На запястье высохла грязь от перчатки. Он провёл утро у воды, а теперь должен был объяснять кому-то, почему наличие коек на городском балансе ещё не означает места, куда можно привезти Бориса.

Она знала о нём пока немного: восьмой дом, ходунки, Наталья, которая ездит между берегами. Вера не передавала ни медицинских подробностей, ни полного домашнего рассказа. Ирине хотелось иметь всё сразу — телефоны, этажи, время, когда дочь уходит на работу. Тогда можно было бы разложить помощь по порядку. Но на столе лежал только лист с четырьмя сплошными кружками.

Воронов положил трубку.

— Размещение даст контакт для согласования к семи. Предварительные заявки направлять через дежурного группы. По каждой — потребность, сопровождающий, способ связи. Без подтверждения места не обещать людям конкретный пункт.

— А если они хотят уехать к родным? — спросила Ирина.

— Уточнить, могут ли там принять. Не удерживать ради общего автобуса. Но после выезда нужно подтверждение прибытия, иначе к вечеру будем искать их в пустой квартире.

У двери появился Тимур с тубусом и мокрой папкой. Он не стал проходить между сидящими, поставил тубус возле стены и дождался, пока Воронов закончит.

— Схемы привезли?

— Две. Действующая дорожная и наша рабочая по тепловым ограждениям. Наша не является допуском.

— Сразу хорошо начали, — сказал Воронов и освободил край стола.

Тимур развернул лист. Ирина узнала зимний ремонтный участок по жёлтому прямоугольнику, который сама когда-то обводила перед подачей временной схемы. Теперь прямоугольник оказался не тепловой задачей, а препятствием между автобусом и двором.

— Здесь траншея ещё открыта? — спросила она.

— На утро подтверждения нет. На прошлой неделе часть закрыли щитами. Устно говорят, что проезд оставили, но ширина не указана.

— На городской карте ограждения нет, — заметил транспортный дежурный.

— Поэтому и едем, — сказал Тимур. — Нам нужны края раскопа, фактическая полоса, площадки, где машина сможет стоять. Не просто линия от улицы до подъезда.

Ирина приложила линейку к бумаге. На старой схеме существовал второй проход между хозяйственными территориями. В памяти он был шире, чем на листе.

— А отсюда можно выйти на верхнюю улицу?

Тимур посмотрел.

— Пешком — возможно. Машиной неизвестно. Здесь чужая территория, здесь поворот. На схеме ни ворот, ни уклона.

— Посмотри.

Он поднял глаза, и Ирина исправилась:

— Предлагаю включить в обследование.

Воронов не заметил или сделал вид, что не заметил паузы.

— Включаем. Сафин идёт как эксперт «Резерва». По дороге — наш дорожный специалист, по выходу людей — представитель спасательной службы. Никаких пробных проездов тяжёлой машины без допуска. Закрытые территории самовольно не вскрывать. Нужен будет доступ — связывайтесь со мной.

— Задача: основной подъезд, места посадки, возможный выход к другой площадке, — повторил Тимур. — Не обещание второго автомобильного маршрута.

— Именно.

Дорожник на связи кашлянул.

— Мой сотрудник будет у нижнего поворота. Сначала ознакомьтесь с ограничениями. По второму пути сведений нет.

Тимур записал контакт правой рукой. Левая придерживала край карты, два пальца лежали чуть в стороне. В комнате было тепло, но манжеты его куртки оставались мокрыми. Ирина хотела спросить, взял ли он сухие перчатки, и удержалась. Он открыл полевую сумку, переложил один пакет в другой; сухие перчатки лежали сверху.

— Руденко может уточнить историю ограждения, — сказала она вместо этого. — Но текущий допуск не у него.

— Я помню. Возьму у него номер действующего мастера и сверю.

Воронов подписал короткое поручение на обследование. Секретарь сделала копии. Одну Тимур убрал в прозрачный карман папки, другую оставили у дежурного.

Через стекло двери было видно, как в коридоре уже собирались другие люди. Утро начиналось для всего города, и этот участок не получал от него лишних часов.

* * *

Вера ответила на четвёртом гудке.

Ирина стояла возле окна на лестничной площадке. Здесь не работала вентиляция, и голос можно было слушать левым ухом, не вылавливая слова из шума. На подоконнике лежала чья-то рукавица, тяжёлая от воды.

— Ты уже в школе?

— Ещё нет. Что по дороге?

— Плановое закрытие завтра в двенадцать. Отсчёт с шести утра. Тридцать часов. Могут закрыть раньше по основанию.

На другом конце что-то стукнуло. Не резко — будто Вера поставила чашку не туда, куда собиралась.

— Во дворы вода уже идёт?

— Пока нет такого сообщения. Ограничение по подъезду. Мосты открыты. Я пришлю письменную формулировку, не пересказывай по памяти.

— Пришли. Сколько людей вы готовы забрать?

— Сначала нужно понять потребности.

— Я не про итоговую цифру. Что я могу сказать у двери?

Ирина посмотрела вниз, на первый этаж. Вахтёр открыл турникет мужчине с ящиком оборудования.

— Что штаб принял задачу по всем четырём домам. Готовят транспорт и размещение. Нужны прямые контакты, кто где находится, кто выходит сам, кому нужна помощь. И кто собирается уехать своим ходом.

— «Готовят» — это ещё не «будет», да?

— Да. Конкретные машины и места пока не обещай.

Вера помолчала.

— Хорошо. Валентина сегодня не сможет долго ходить, у неё нога. Я найду замену. По двенадцатому вечером ещё не всех застали.

— Дайте всё, что уже подтверждено.

— По домам дам. По людям надо объяснить, кому передаём.

— Вера, у нас тридцать часов.

Она произнесла это слишком быстро. В ухе тонко засвистело, и Ирина убавила усиление аппарата, хотя свист мог быть не от него.

— Я услышала, — сказала Вера. — Люди тоже услышат. Но они спрашивают не только про воду.

— Сейчас важнее, как их вывезти.

— Для тебя. А у двери меня спросят, не станет ли запись о проживании причиной ещё какой-нибудь проверки. Я не могу ответить: «Неважно, у мамы срок».

Ирина прижала ручку к полю карты. Остался короткий синий след.

— Контакт дежурного пришлю. И перечень, что нужно для машины. Остальное отдельно.

— Так можно. И напиши, кто будет обходить от города. Если придут незнакомые и начнут требовать документы, половина дверей снова не откроется.

— Передам Воронову.

— Не передай вообще. Скажи ему именно это.

В голосе дочери не было привычного домашнего смягчения. Ирина уже знала: Вера разговаривает с ней как с участником штаба, которому надо точно поставить задачу.

— Скажу именно это.

Она закончила звонок и сразу набрала сообщение. Указала время закрытия, возможность более раннего ограничения и то, что транспортный план ещё дополняется. Перечитала слово «завтра» и заменила его датой: пересланное сообщение могло остаться в чате дольше суток.

Потом вернулась в зал.

— Наблюдатели просят согласовать обход, — сказала она Воронову. — Люди опасаются передачи сведений по жилью. Если городская группа придёт без объяснения цели, можем не получить ответ.

Он поднял голову от списка машин.

— Пусть районный контакт свяжет нашего ответственного с наблюдателями. До выхода. Документы на квартиру для определения потребности в перевозке не запрашивать.

— Запишите в поручение, — сказала Елена.

Воронов кивнул секретарю.

Ирина села и впервые заметила возле своего места стакан чая. Его поставили давно: на поверхности лежала тонкая плёнка. Она выпила половину, не почувствовав вкуса.

Дарья придвинула ей лист с реквизитами выгрузки.

— Сохранение поручили. Копия будет через муниципальный шлюз. Сейчас у нас только просмотр и записанные номера.

— По происхождению статуса ничего нового?

— Нет. Не хочу подменять отсутствие объяснения знакомым объяснением.

— Не подменяй.

Дарья посмотрела на неё внимательно, потом убрала лист в папку.

На стол принесли предварительные варианты размещения. В одной строке значилась вместимость, в другой — доступные комнаты, в третьей стоял вопросительный знак возле круглосуточного сопровождения. Воронов не стал зачитывать общий итог коек. Отдал лист женщине у телефона и попросил выяснить именно вопросительный знак.

Работа постепенно расходилась по людям. Дежурный перевозок звонил владельцам машин, уточняя не только число мест, но и массу, высоту ступеней, возможность подъезда. Представитель территории согласовывал обход. Дарья с сотрудником разбиралась, какая версия задания действительно ушла перевозчикам. Елена проверяла, чтобы поручения имели адресатов и время ответа.

Ирина перенесла четыре дома на большую бумажную карту. Возле них пока не было ни номера автобуса, ни места назначения. Она оставила достаточно пространства для записей.

Воронов подошёл и вписал свою фамилию в графу адресного дополнения. Затем рядом появились ответственные за обследование дороги, сбор подтверждённых потребностей и согласование приёма.

— К следующей сверке нужен не красивый общий список, — сказал он. — Нужны незакрытые вопросы. Где человек, что ему требуется, кто отвечает за следующий шаг.

Он посмотрел на Ирину.

— Происхождение пропуска — за вами. Вывоз из-за этого не останавливаем.

— Принято.

Ближе к восьми Тимур собрал карты. Сопровождающий от городской службы ждал его у выхода; спасатель должен был присоединиться на месте. На улице за ночь подмёрзли лужи, но тонкий лёд уже ломался под колёсами. Ирина дошла с ними до дверей, чтобы забрать экземпляр схемы с полевыми пометками.

— По основному проезду связь после осмотра, — сказал Тимур. — Если условия изменились — сразу. По возможному выходу отдельно, не смешиваем.

— Вера получит ваш маршрут. Наблюдатели к низкому участку не пойдут.

— Пусть сообщают, где ограждения мешают проходу. Проверим со своей стороны.

Ирина протянула ему папку. Внутри лежали прогноз, акт утреннего осмотра и подписанные условия допуска. Ещё вчера она могла бы послать вместо них фотографию карты с красной стрелкой. Теперь стрелки было мало.

— Тридцать часов уже меньше, — сказала она.

Тимур застегнул папку.

— Поэтому сначала выясним, сколько дороги у нас есть на самом деле.

Он сел в машину рядом с водителем. Ирина осталась под козырьком, пока они выезжали со двора. Не махала, только проследила, как автомобиль пропустил людей у ворот и повернул к южному берегу.

В зале на большой карте четыре дома больше не были пустым местом. Под ними стояли фамилии и сроки ближайших ответов. В действующем задании перевозок их всё ещё не было.

Ирина провела пальцем от Рамповой до основной улицы. Один проверенный автомобильный подъезд. Узкий низкий отрезок, на фотографии ещё сухой.

Она убрала палец, чтобы не закрывать линию, и раскрыла журнал на следующей странице.

Глава 5. Верхний двор

На схеме край проезда был прямым. На месте его приходилось искать под прошлогодней щебёнкой.

Тимур присел у вбитого дорожниками колышка. Ниже, в канаве, под тонким льдом стояла мутная вода; возле насыпи лёд уже отошёл, оставив тёмную полосу. Асфальт оставался сухим. По нему можно было пройти, не замочив подошвы, и именно это делало место обманчивым.

— Утром до этой травы доходила, — сказал Дёмин.

Он показал ботинком пучок бурых стеблей, но к самой кромке не подошёл. На выезде Олег Дёмин представился инженером городской дорожной службы и сразу предупредил, что разрешение на движение выдаёт не он один: сегодняшние условия подписаны после совместного осмотра. Его задача сейчас — проверить, не изменилось ли что-нибудь с пяти утра.

Тимур совместил фотографию с местностью. Опора знака, трещина в покрытии, кусок белого кирпича у колышка. Вода поднялась, но насколько — по такому снимку не определить.

— По отметкам есть свежий замер?

— Бригада снимает с другой стороны. Пришлют. Мы сейчас смотрим край и водопропуск.

Из-за поворота показалась легковая машина. Дёмин поднял руку, не останавливая водителя на низком участке, и указал держаться ближе к оси. Машина прошла медленно, без разгона. После неё несколько секунд слышался хруст щебня под колёсами, потом снова — капель с ограждения.

На часах было девять ноль семь.

Тимур отметил в полевой схеме место съезда к домам. До планового закрытия оставалось почти двадцать семь часов. За это время дорога должна была пропустить людей, продукты, возможно, грузовые машины с вещами, а затем автобусы и специальный транспорт. Каждый видел в этих часах свой рейс.

— На этом отрезке посадку не делать, — сказал Дёмин. — Даже если дождь. Не ждать, пока последний выйдет из подъезда.

— Ближняя твёрдая площадка?

— За поворотом, у старой весовой. Проверим.

Спасатель Артём Зубов, присоединившийся к ним возле Рамповой, посмотрел на канаву, потом вверх, к домам.

— И для тех, кто пешком, вдоль края очередь не ставить. Машина идёт — люди должны быть уже вне этого участка. Не прижиматься к ограждению.

Тимур провёл на схеме вторую линию рядом с автомобильной. На бумаге они помещались без труда. На дороге между ограждением и колёсами места почти не было.

* * *

У весовой дорога расширялась. Дальше начинался ответвлявшийся к мастерским проезд, перерезанный старым тепловым раскопом. Траншею частично засыпали, поверх поперечного участка положили плиты. Сбоку тянулось жёлтое ограждение, потемневшее за зиму. На одной секции ещё держалась табличка о работах при отрицательной температуре.

Возле плит стоял грузовик с крановой установкой за кабиной. Водитель, не глуша двигатель, разговаривал с человеком в короткой рабочей куртке.

— Вот специалист приехал, — сказал тот, увидев Дёмина. — Мы тут как раз хотели пройти.

— Куда?

— До мастерских. Стеллажи вывезти и у людей забрать, что тяжёлое. Нам нужен один проход, туда и обратно.

Водитель наклонился из окна:

— Я пустой. Тихонько попробую, если держит — загружусь.

Тимур посмотрел на правую плиту. Её край лежал не на старом покрытии, а на полосе свежей засыпки. Из-под угла выдавило мелкий мокрый песок. Колея вела почти вплотную к ограждению продольной части раскопа.

— Не пробуйте.

— Я же не с ходу.

— Скорость здесь не решает. Опирание плиты не подтверждено. И отступ колеса от раскопа мы не знаем.

Водитель убрал локоть с дверцы.

— Зимой здесь проходили.

— Зимой засыпка была мёрзлая, — сказал Дёмин. — Сейчас другое состояние. На этот съезд допуска под вашу машину нет.

Человек в короткой куртке оказался кладовщиком мастерских. Он вытащил из кармана помятую бумагу со списком имущества и показал её, словно она могла расширить проезд.

— Люди вчера всё к дверям поднесли. Мебель, машинки эти швейные. Я им сказал: утром заберём. Теперь мне идти объяснять, что вы опять не разрешили?

Тимур видел на листе чужой торопливый почерк. Рядом с «холодильник» стояло два вопросительных знака. Ниже — «кровать, разобрать самим». Кто-то уже потратил вечер, чтобы уменьшить работу тем, кто приедет утром.

— Машину как пробную нагрузку мы не пустим, — сказал он. — Сначала найдём действующего мастера теплового участка. Он покажет, где заканчивается раскоп и на чём лежат плиты. Дорожники определят, что здесь допустимо. До этого можно оценить погрузку с площадки у весовой, не заезжая на съезд.

— Руками через весь двор?

— Сколько метров и что именно — сейчас посмотрим. Если нужна тележка или малая машина, надо заказывать их, а не надеяться, что эта проедет.

— Вам легко.

Тимур не ответил сразу. Грузовик работал вхолостую; кабина мелко дрожала, а переднее колесо стояло в сухой пыли. Отступить на три метра назад было просто. Объяснить людям, почему обещанный вывоз снова меняется, — нет.

— Вам придётся сказать, что подход не подтверждён, — произнёс он. — Я могу объяснить вместе с вами. Но разрешения от этого не появится.

Кладовщик сложил лист.

— Ладно. Только не уезжайте, пока мастер не ответит.

Дёмин попросил водителя переставить грузовик на проверенную площадку, подальше от края. Машина сдала назад. Низкий проезд при этом оставался открыт: по нему вслед за легковой прошёл небольшой фургон.

Тимур достал телефон.

Руденко ответил после нескольких гудков.

— Сафин. Ты где?

— Рамповая, съезд к мастерским. Нужен фактический план зимнего раскопа. У меня схема без мартовских изменений.

— Там плиты на поперечнике. Продольную часть до восьмого дома не закрывали.

— Вижу. Грузовой проход кто принимал?

— После отогрева должны были переложить. Северным рукавом езжайте, он рабочий.

Тимур посмотрел на лист. Северный рукав был обозначен короткой дугой за весовой.

— Для какой машины рабочий?

— Наш бортовой ходил.

— Когда?

В трубке стало тише.

— В феврале. Подожди, сейчас найду, кто у них остался.

Руденко больше не пытался объяснять дорогу по памяти. Тимур слышал, как он перелистывал бумаги, отодвигал что-то тяжёлое на столе.

— Мастер Кравцов. Номер пришлю. И исполнительную отметку после перестановки ограждения. Но принимал уже участок, не я.

— Нужна именно его действующая схема.

— Понял я. Моя подпись теперь дорогу не держит.

— Мне сейчас нужна не ваша подпись. Нужен человек, который видел засыпку после оттепели.

Руденко помолчал.

— Правильно. Звони Кравцову. У него ещё фотография открытого угла должна быть, до плит.

Через минуту пришли номер и снимок листа с пометками. Тимур набрал мастера, назвал поручение Воронова и передал телефон Дёмину. Разговор занял больше времени, чем хотелось кладовщику. Тот дважды смотрел на часы, но не уходил.

Кравцов подтвердил: после зимы грузовой переход не принимали. Плиты оставили для доступа ремонтного звена; участок возле края требовал дополнительной проверки. Мастер находился на другом конце Рудничного и обещал прислать человека с актуальной схемой, затем приехать сам.

Тимур записал это на бумаге и показал кладовщику.

— До его осмотра здесь тяжёлую погрузку не планировать. Площадку у весовой мы сейчас замерим. Ваш список можно сфотографировать? Без квартир и телефонов. Только габаритные вещи.

— Там и нет квартир, — ответил кладовщик. — Я людей и так знаю.

Он разгладил лист на капоте. Водитель выключил двигатель.

* * *

Северный рукав оказался дорогой лишь на первой половине.

Между глухой стеной склада и опорами старой эстакады ещё сохранялся асфальт. Потом след уходил под прямым углом к узкому проходу за весовой. Внутренний угол занимал бетонный тумбовый фундамент, внешний — размытая полоса грунта над канавой. На ней лежали две свежие доски.

Дёмин прошёл до поворота, измерил ширину и вернулся.

— Автобус не впишется. Длинный — точно. Для малого надо считать траекторию, но внешнее колесо всё равно уйдёт сюда.

Он указал на доски.

— А там основания нет, — добавил Тимур. — Подсыпать сейчас сверху — только спрятать воду.

На старой схеме рукав выходил к верхней улице. Здесь, за поворотом, его перегораживал складской навес, пристроенный к стене. Под навесом стояли паллеты с мешками, а дальше виднелась пешеходная калитка.

Зубов снял несколько кадров с привязкой к углам здания.

— Для вывоза на колёсах этот вариант убираем.

Тимур перечеркнул автомобильную стрелку. Она была единственной второй стрелкой на его листе.

По основному проезду ещё можно было работать, но на случай раннего закрытия у них теперь не оставалось автомобильного обхода. Нельзя было обещать штабу, что за складами найдётся дорога, если разобрать навес или сдвинуть ограждение. Для этого понадобились бы и чужое разрешение, и время, и новое обследование основания. До завтрашнего полудня они не успели бы даже доказать, что замысел выполним.

За калиткой женщина несла к верхней улице две сумки. Шла медленно, обходя лужи. Дверь за собой она не заперла, только притянула пружиной.

— Здесь к остановке ходят? — спросил Зубов.

— Кто ключ имеет, — ответила она. — Кладовщики, охрана. Иногда нас пускают. А верхние ворота по пропускам.

— Далеко верхние?

— За двумя складами. Только там погрузчик, под колёса не идите.

Тимур посмотрел поверх калитки. Двор поднимался широкими уступами к кирпичным корпусам. Уклон был заметен по линии цоколей. Снег наверху сохранился белыми полосами, внизу уже пропитался грязью.

— Давай пешком посмотрим, — сказал Зубов. — С их сопровождающим.

На калитке висела табличка с номером охраны. Дёмин позвонил. Им разрешили дождаться сменного работника у входа.

Пришёл худой мужчина в жилете поверх ватника. На груди у него висел ключ от калитки, ещё несколько ключей он держал в руке.

— Обследование троим разрешили. Запишу фамилии. Проход людей начальство отдельно решает.

— Нам пока осмотр, — сказал Тимур.

Охранник назвался Николаем и попросил идти за ним, не сокращая дорогу между паллетами.

На первой площадке гудел погрузчик. Его водитель видел охранника и поднял вилы чуть выше, пропуская группу сбоку.

Зубов остановился.

— Нет. Пусть сначала закончит движение и опустит вилы. Мы подождём здесь.

Николай махнул водителю. Тот откатился к складу и поставил груз. Только после этого они прошли.

Тимур снял размер между стеной и рядом паллет. В самом узком месте оставалось чуть больше метра. Для одного человека с сумкой хватало; для двух спасателей, идущих с носилками, — нет.

— Этот ряд убрать целиком, — сказал Зубов. — И вдоль стены никаких выступающих концов. В темноте их не увидят.

— Тут завтра отгрузка, — ответил Николай.

— Значит, время прохода и отгрузки разводить. Одной ленты между людьми и погрузчиком не хватит.

Тимур отметил на схеме не только узкое место, но и въезд из соседнего склада. Даже после освобождения паллет оставалась опасность бокового движения.

На подъёме покрытие менялось: старый бетон, полоса щебня, снова бетон. Талая вода стекала по середине и возле нижнего стыка превращалась в тонкий лёд. Тимур наступил на край ботинком, проверил сцепление и сразу отошёл. Зубов посмотрел на уклон, потом вверх, куда предстояло идти с людьми.

— Здесь пешком только после очистки и обработки. Не сыпнуть горсть возле калитки — весь подъём. И повторять, если подморозит.

— Ходунки? — спросил Тимур.

— Самостоятельный проход не обещай. По конкретному человеку будем смотреть. Кресло на этом уклоне тоже не просто катить. Нужны наши звенья, площадки для остановки, потом передача к назначенной машине. Маршрут до автобуса ещё не означает, что всем подходит автобус.

Они прошли подъём ещё раз, теперь выбирая места, где носилочную группу можно развернуть или поставить носилки, не перегородив движение. У угла второго склада лежал пустой металлический поддон. Николай сдвинул его ногой.

Под ним оказалась выбоина.

— Это заделать, — сказал Зубов. — Не закрыть поддоном обратно.

Тимур снял выбоину с линейкой и отметил ближайшую водосточную трубу. Пока вода продолжала падать на это место, одной щебёнки было мало.

Верхние ворота были широкими, с отдельной калиткой. Под ними проходил высокий рельс, по которому двигалась створка. Снаружи лежала асфальтовая площадка, выходившая на верхнюю улицу. Дёмин через решётку показал ровное место у бывшего диспетчерского павильона.

— Здесь можно проверить посадку. Со стороны улицы нормальный подход. Но автобус не должен перекрывать выезд коммунальным машинам.

— Специальным машинам отдельное место ближе к воротам, — сказал Зубов. — И чтобы носилки не через очередь.

Тимур замерил калитку. Затем — раскрываемую часть ворот и расстояние до павильона. Для прохода спасательной группы требовалось открывать створку; калитка заставляла бы поворачивать носилки почти на месте. Через рельс нужна была закреплённая переходная накладка, не случайная доска.

Николай слушал молча. Потом сказал:

— Я вам могу сейчас открыть, чтобы посмотрели с той стороны. На завтра не могу обещать. У нас пропускной режим.

— Кто может?

— Управляющий. Но это по городской программе надо согласовывать. Территория у оператора, не наша.

На стене павильона висела табличка управляющей организации, ниже — выцветший баннер с изображением будущих складских корпусов. В нижнем углу оставалась эмблема «Гранитного берега».

Тимур сфотографировал табличку, не баннер.

— Телефон управляющего дадите?

Николай переписал номер с листа в будке и уточнил фамилию по внутренней связи.

Елена ответила почти сразу.

— Нашли автомобильный выход?

— Нет. Северный рукав для автобуса непригоден. Нашли пеший, через верхний складской двор. До площадки на верхней улице. С нами спасатель, осмотр ещё не закончили.

— Кто держатель?

Тимур прочитал название с таблички, затем продиктовал контакт.

— Связь с «Гранитным берегом» на месте обозначена, — добавил он. — Но договоров я не видел.

— Предмет доступа?

Он посмотрел на Зубова, чтобы тот слышал.

— Организованный проход жителей и спасательных групп. Открытие нижней калитки и верхних ворот. Освобождение коридора, прекращение погрузочных работ на время прохода, временные ограждения. Освещение, ответственный за ключи на каждой смене. Работы по покрытию перечислю отдельно. Нужен порядок выхода на площадку посадки.

— На какой срок?

— До завершения вывоза, с запасом на повторный обход. Точное окно задаст Воронов. Пока просим подготовить.

Елена сделала паузу — вероятно, записывала.

— Физическая пригодность уже подтверждена?

— Нет. Условно возможен после работ и повторного осмотра. По маломобильным — решение спасателей для каждого, не общий допуск.

— Так и пришлите. Земельные вопросы, освобождение домов и обещания по будущему использованию территории в это согласование не входят.

— У нас здесь только ворота.

— Постараемся сохранить этот объём.

* * *

С верхней улицы Дёмин позвонил дорожной бригаде: нужно было добавить осмотр площадки у павильона. Зубов занялся связью со своим руководителем, а Николай попросил их отойти от выезда. Подошла машина, и охраннику пришлось вернуться к обычной работе — проверить накладную и открыть створку.

Тимур убрал дальномер в карман. Левая перчатка намокла, пока он придерживал ленту у нижнего стыка бетона. Указательный палец чувствовал холод. Безымянный и мизинец — только тесную ткань.

Он снял перчатку и посмотрел на кожу. Цвет нормальный, мелких порезов не видно. Из сухого пакета достал запасную пару.

Дёмин протянул ему тонкий щуп, который надо было сложить и убрать в футляр.

— Защёлкни сам, пожалуйста, — сказал Тимур. — Мелкое сейчас не чувствую.

Дёмин без вопросов защёлкнул замок.

Возле соседнего муниципального корпуса было крыльцо под широким козырьком. Из открытой двери пахло мокрой тряпкой и столовской выпечкой. Женщина в рабочем халате выносила ведро, придерживая дверь бедром.

— Вы на площадку смотреть? — спросила она. — Нам сказали, могут ещё транспорт поставить.

— Пока проверяем, — ответил Дёмин. — У кого ключ от наружного освещения?

— У дежурного. Заходите, он внизу.

Корпус когда-то был учебным: в коридоре сохранилась доска с нарисованным поперечным разрезом двигателя. Теперь на дверях висели номера комнат и указатели к душевым. В тамбуре стояли сложенные раскладушки.

Дежурный вышел из бокового помещения с журналом под мышкой. Услышав про освещение, достал связку ключей и стал объяснять, какие фонари питаются от здания, а какие принадлежат складу.

Пока Дёмин записывал, Тимур заметил возле двери технической комнаты заламинированный лист.

«Резервная ёмкость. Набор — 01:30–03:00. Режим автоматический».

Ниже от руки были вписаны телефон ответственного и дата.

— Это вода? — спросил Тимур.

— Вода.

— Для чего запас?

— Здесь пункт временного размещения. Когда полный корпус, в часы разбора не всегда хватает. Держим резерв. Насосная внизу.

Тимур посмотрел на время ещё раз. Само по себе оно ничего не объясняло. В городе множество объектов набирали воду ночью, когда потребление считалось меньшим. Но у них уже были локальные провалы, и этот корпус стоял над той же частью Рамповой.

— Журнал работы кто ведёт?

— Дежурный отмечает уровень и замечания. Запуски в местном шкафу записываются. Вы из водоканала?

— Из группы технического разбора. По воде работает инженер Данилов. Я ему передам, он запросит через вашу службу. Можно график снять?

Дежурный разрешил, но попросил не фотографировать открытый журнал: там были фамилии размещённых сотрудников другой службы и номера комнат.

— Журнал не снимаю. Только лист и его дату. Как вас указать источником?

Тот назвал фамилию и должность.

— А что случилось?

— На Рамповой зарегистрировано краткое снижение давления. Причину ещё проверяют. Нужны фактические режимы потребителей, не только расчётные.

— У нас по согласованию всё. Ночью как раз велели, чтобы днём не мешать.

— Номер согласования у ответственного есть?

— Должен быть. Я не выдавал.

Тимур записал телефон. Просить запустить насос, открыть дверь технического помещения или показать настройки он не стал. У него не было ни задания на вмешательство, ни инженера, отвечавшего за эту сеть.

Снаружи он отправил Данилову фотографию и короткое сообщение: где расположен корпус, кто объяснил назначение резерва, где хранятся местные записи. Отдельно написал: «Подключение к исследуемой ветви на месте не проверено. Режим не наблюдали».

Данилов ответил: «Получил. Запрошу через эксплуатацию».

Зубов вернулся от ворот, убирая телефон.

— Предварительно нам этот выход нужен. Но сейчас никого сюда не вести. Перечень работ отправишь?

— Уже собираю.

— И фотографию рельса. Они всё время считают, что носилки над любой железкой пронесут.

Тимур натянул сухую перчатку.

— На схеме кратчайший путь всегда проходит через чужое закрытое хозяйство.

— Потому и кратчайший. Никто ещё не ходил.

Они постояли под козырьком, пока Дёмин дописывал заявку на осмотр площадки. Из двери вышла та же женщина, теперь с пустым ведром, и попросила не заслонять вход. Пришлось сдвинуться. Резервный маршрут уже требовал места среди обычных чужих дел.

* * *

Вера позвонила, когда они возвращались к нижней калитке.

— У нас городской обходчик на связи. Хочет начать с двенадцатого. Вы там проход не перекрыли?

— Нет. Основной подход к домам работает. У мастерских тяжёлую машину не пустили на плиты, это отдельный съезд. К подъездам можно прежним путём.

— Люди уже пишут, что грузовики больше не пропускают.

— Кто пишет?

— Мне прислали фотографию вашей машины и жёлтого забора.

Тимур остановился у стены, пропуская Зубова вперёд.

— Передай точнее: отказ только на неподтверждённом переходе через тепловой раскоп. Низкий проезд не закрыт. Дёмин отправит сегодняшнее состояние официально.

— Пришли мне эту формулировку. Я голосом объясню, но текст нужен.

— Сейчас.

Он набрал сообщение, приложил снимок с отмеченным съездом, не включая в кадр водителя и кладовщика.

— Наблюдателям за весовую не ходить, — сказал он, вернувшись к звонку. — Там сужение, машины проходят по одному. Если надо к верхней улице — пока обычным маршрутом. Через склад мы только осмотрели, прохода ещё нет.

— Я и не собиралась через склад. Мне надо понять, где встречать смену. Валентина сегодня только звонки берёт.

— У шестого со стороны мастерской есть сухая площадка, вне погрузки. Подойдёт?

— Подойдёт. Если вещи начнут выносить, отойдём к подъезду.

— Договорились. Сообщите, если изменят ограждение или вода выйдет на ваш подход. Не надо ради замера спускаться к канаве.

— Это уже мама сказала.

— Тогда второй раз не считаем новым распоряжением.

Вера коротко выдохнула в трубку — то ли усмехнулась, то ли на ходу поднимала тяжёлую сумку.

— У меня в одиннадцать разговор с Натальей. До этого могу быть на связи. Потом минут двадцать не отвечу.

— Я пришлю схему без звонка. Если понадобится срочно — через второго наблюдателя?

— Да. Номер отправлю с её согласия. И ты сообщай, если уходите с участка. Чтобы я не посылала людей туда, где вас уже нет.

— Сообщу.

— Если обходчик решит, что где-то не пройти, он останавливается и звонит. Я ему так сказала. Не надо добирать подъезд из упрямства.

— Правильно сказала.

Тимур убрал телефон. Вера не попросила его прийти к двенадцатому дому, он не предложил сопровождать её. У каждого уже был маршрут, и теперь они хотя бы не должны были искать друг друга в неправильном месте.

У нижней калитки Николай закрыл за ними замок. Щелчок прозвучал негромко, почти буднично.

* * *

К машине они вернулись без четверти одиннадцать.

Грузовик по-прежнему стоял на площадке у весовой. Кладовщик разговаривал с приехавшим работником теплового участка; тот принёс новую схему и показал, где засыпка ещё не принята. Водитель курил у кабины. Увидев Тимура, поднял руку — без приветствия, просто обозначил, что всё ещё здесь.

Дёмин подошёл к ним. Через несколько минут позвал Тимура.

Малый транспорт к погрузке ещё предстояло подобрать. Площадка у весовой позволяла работать без заезда к траншее, но вещи нужно было доставлять к ней по отдельному коридору. Кладовщик уже вычеркнул из утреннего списка стеллажи: сначала решил вывезти то, что люди подготовили к дверям.

— Тележки есть две, — сказал он. — Колёса у одной плохие. Позвоню в соседний цех.

— Проход от мастерской после осмотра обозначьте, — попросил Тимур. — Чтобы люди с вещами не вышли под машину. И тяжёлое вдвоём на руках не обещайте за всех.

Кладовщик посмотрел на него, но спорить не стал.

Тимур разложил бумаги на заднем сиденье служебной машины. Сводить всё в одну стрелку было нельзя.

Первый лист — действующий автомобильный подъезд. Последний осмотр, текущие ограничения, площадка ожидания вне низкого участка, необходимость повторного контроля перед

назначением машин. Отдельная пометка о съезде через тепловой раскоп: тяжёлое движение не допущено, обследование продолжается.

Второй — верхний двор. От нижней калитки до ворот на верхнюю улицу получилось чуть больше трёхсот метров. На лист легли паллеты, лёд, выбоина, рельс, боковой выезд погрузчика и два места, где могла остановиться спасательная группа. Рядом — работы и те, кто должен подтвердить их выполнение.

Зубов прочёл записи, стоя у открытой двери.

— Не пиши «маршрут для маломобильных». Пиши: «Возможный путь работы спасательных звеньев, после подготовки». Нам ещё по людям решать.

Тимур исправил.

Дёмин добавил реквизиты заявки на обследование верхней посадочной площадки. Ни он, ни Зубов пока не подписывали готовность всего пути.

Ирина ответила на звонок не сразу.

— Основной?

— Доступен по сегодняшним условиям. Свежий осмотр дорожников пришлю. Тяжёлую машину остановили у отдельного теплового съезда, не на основном проезде.

— Второй автомобильный?

— Нет. Геометрия и основание не позволяют. Есть другой результат: пеший выход через верхний складской двор к отдельной площадке посадки. Нужны подготовка, разрешение держателя и повторный осмотр спасателей.

Ирина помолчала.

— То есть в плане это пока не действующий резерв.

— Пока задача с перечнем работ. Зубов считает, что готовить стоит.

— Сроки по работам?

— Ждём держателя. Елена получила контакт. Дорожники площадку посмотрят отдельно. Не ставьте туда пассажиров, пока не будет подтверждения.

— Принято. Пришли двумя листами.

Он отправил ей и Воронову сканы. Елене — перечень условий доступа и фотографии ворот. Данилову дополнительно переслал схему расположения муниципального корпуса, не соединяя его линией с водоводом: подключения он не видел.

Телефон коротко завибрировал.

«Начала согласование, — написала Елена. — Осмотр троих подтверждён. Организованный проход пока не разрешён. Перечень работ передан управляющему».

Тимур посмотрел на верхний двор поверх крыш. Отсюда были видны только кирпичная стена и фонарь над воротами. Ни узкого места у паллет, ни льда, ни рельса с дороги не различить.

На полевой схеме он провёл путь до верхних ворот сплошной линией — там они прошли сами. Возле ворот оставил незакрашенный кружок и написал: «Открытие, ответственный, связь».

Дальше была площадка, куда ещё должен приехать дорожный специалист. Потом — машины, которых пока не назначили, и люди, чьи потребности ещё уточняли.

Тимур убрал лист в прозрачный карман, оставив надпись видимой. Из нижнего двора к весовой уже катили первую тележку. Кладовщик шёл сбоку и придерживал коробку на повороте. Дёмин поднял руку водителю фургона: подождать здесь, на твёрдой площадке, пока люди освободят проход.

Глава 6. Ключ вместо переезда

Наталья хотела узнать три вещи: куда привезут отца, кто поможет ему пересесть из машины и можно ли ей остаться с ним на ночь.

Номер службы размещения она записала на обороте аптечного чека. Пока шёл вызов, расправляла бумажку ногтем — от сгиба пропадала последняя цифра.

— Я не прошу отдельную квартиру, — сказала она Ирине ещё до ответа. — Мне бы понять, что там за место. Чтобы не получилось: привезли, поставили ходунки, дальше сами.

Борис сидел у кухонного стола. Сегодня на нём было только три кружки; остальные убрали на полку, освободив место для раскрытой папки и телефона. Ходунки стояли справа от кресла, на расстоянии ладони. Ирина, проходя, чуть пододвинула табурет, чтобы не задеть раму.

— Оставьте там, — сказал Борис.

Она вернула табурет.

На часах было одиннадцать ноль восемь. До планового закрытия проезда оставалось чуть меньше двадцати пяти часов. На телефоне Ирины лежали два листа Тимура: действующий подъезд с ограничениями и возможный выход через верхний двор. Во втором было больше невыполненных условий, чем свободного места. Для Бориса эта линия пока не давала ничего.

Вера стояла у окна, принимая короткое сообщение от наблюдателя. Ответила: «Если не открыли, так и пишем», — и убрала телефон.

В трубке наконец назвали службу.

Наталья включила громкую связь, представилась, сообщила адрес и объяснила, что рядом отец, Вера Шахова из районной сети и технический эксперт приглашённой группы.

— Я согласна, чтобы они слышали. Мне помогают разобраться.

Сотрудницу звали Светлана. Она уточнила номер утреннего обращения, попросила подождать. Из динамика донёсся стук клавиш, потом чужой голос далеко от микрофона.

— Наталья, предварительную потребность я нашла. Сейчас проверю возможность резерва.

Ирина достала блокнот. Она рассчитывала, что этот разговор займёт минут десять: уточнить доступность помещения, записать ответственного, передать Воронову. В утреннем списке вариантов были комнаты на первом этаже. Следовало выяснить, в каких из них можно пройти с ходунками и кто работает ночью.

— Здесь нужно уточнение, — сказала Светлана. — У вас указано обеспечение постоянным жилым помещением. Высокий лог. Адрес верный?

Наталья подтвердила.

— Тогда по обычной заявке резерв временного места не создаётся. Можно обратиться по месту постоянного обеспечения либо получить уточнение управления переселения.

— Я не про себя спрашиваю. Отец на Рамповой.

— В обращении он указан с вами. Я вижу состав, который вы сообщили. Но результат проверки обеспечения приходит по связанной карточке семьи.

— Ему квартиру ещё не подобрали. У меня есть, да. Там ванная такая, что я его одна не удержу. Я уже объясняла.

Светлана помолчала.

— У меня нет заключения об условиях для вашего отца.

— А у меня есть отец, — сказала Наталья.

Она произнесла это без нажима, устало. Борис потянул к себе чек, разглядел написанный номер и положил обратно.

— Девушка, — сказал он, наклонившись к телефону. — Мне ночью встать надо. Там кто-нибудь будет?

— Борис, я сейчас не могу назвать пункт. Место пока не зарезервировано.

— То есть я ещё должен приехать и посмотреть, пустят меня или нет?

— Нет, так ехать не нужно. Сначала требуется согласование.

Ирина пододвинула телефон ближе к себе. Справа голос Светланы распадался на шорох и окончания слов; она повернулась левым ухом, но следующую фразу всё равно попросила повторить.

— Шахова, «Резерв». Мы с вами сейчас не решаем вопрос постоянного жилья. Готовится адресное дополнение к эвакуационному заданию. Нужно предварительно определить подходящий приём. Какие параметры вам нужны: ширина проходов, помощь при пересадке, круглосуточный персонал?

— Для подбора — да. Но назначить место я могу только после положительного решения по резерву либо по распоряжению уполномоченного руководителя.

— Самостоятельный подъём возможен? — спросила Ирина у Бориса. — С опорой на ходунки? Ступени преодолеваете? Сидя в машине сколько выдерживаете?

Наталья закрыла папку.

— Мы ещё никуда не согласились.

Ирина посмотрела на неё.

— Я выясняю требования к машине и помещению.

— А звучит, будто уже решили, что повезут. Осталось определить, как грузить.

Борис выпрямился. Пальцы, лежавшие возле кружки, сжались на краю стола.

— Я вам про ночь говорю. Не про ступени.

На секунду Ирина перестала слышать даже телефон. Она видела уже готовый список: помощь на выходе, низкая посадка, место для ходунков, доступный санузел. В списке всё было правильно. Борису от него стало хуже.

— Поняла, — сказала она. — К условиям вернёмся. Сначала выясним, кто может дать вам ответ.

Вера села рядом с Натальей, не раскрывая своей планшетки.

Светлана всё ещё оставалась на линии.

— Вы можете зарегистрировать просьбу о ручном рассмотрении? — спросила Ирина.

— Да. Но это не подтверждение места.

— Так и запишем. Кто рассматривает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.